БОЕВОЕ ФЭНТЕЗИ

Ночь Пламени #1

МЕДИА КНИГА

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ПЫЛАЮЩАЯ ПОЛНОЧЬ

Антон Витальевич Демченко

Пылающая полночь

Серия «Ночь Пламени», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Мир сгорел в ядерном огне. Сгорел… и фениксом возродился из пепла. И кажется, что человечество, выучив свои ошибки, не намерено повторять их снова. В большинстве своём это так, но честолюбие и амбиции, пусть и не способные пока привести мир к уже свершившейся однажды катастрофе, упрямо сталкивают людей всё в ту же колею. И вновь звенят клинки, проливая кровь врагов в сражениях и дуэлях, горят «очищающие» костры, и катится по приграничьям освоенных земель охота на тварей ночи…

Содержание

Пролог 4
Часть I. Этот чёрно-белый мир 14
Глава 1 14
Глава 2 24
Глава 3 34
Глава 4 44
Глава 5 54
Глава 6 64
Глава 7 74
Глава 8 84
Часть II. Серебряная гайка 94
Глава 1 94
Глава 2 104
Глава 3 114
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Антон Демченко
Пылающая полночь

Пролог

Боли не было. Только яркая вспышка полоснула по глазам, словно гигантский грозовой разряд. В лицо пахнуло жаром и… всё. Город, не дожив ста двадцати лет до своего тысячелетия, исчез в ядерном пламени. Но я этого уже не видел, как и миллионы других его жителей, в один миг обратившихся в радиоактивный пепел.

На этом, наверное, и должна была закончиться моя история, но… всегда есть какое-то «но». На миг показалось, что я могу услышать, как осыпается пеплом моё тело, а в следующую секунду какая-то сила неумолимо потянула душу? Сущность? Моё «я»? Потянула вверх и в стороны, размазывая не желающее угасать сознание по дрожащему искажающемуся от выплеска неимоверной энергии, пространству. Мир вокруг рвало и корёжило, он содрогался в конвульсиях, а моя суть, словно в противоположность окружающему безумию, не желая растворяться в этом кошмаре, начала собираться, старательно втягивая в себя вырванные из неё ошмётки. Было трудно, и если бы не помощь кого-то или чего-то со стороны, это явно рефлекторное действо закончи-

лось бы полным пшиком, точно так же, как и с миллионами разрываемых душ рядом со мной. Я их не слышал и не видел, но ощущал. Это был словно многоголосый крик ужаса, в какой-то миг милостиво отсечённый от моих чувств тем же явлением, что позволило моей сути собраться в плотный, упругий комок.

Напоследок я почуял исходящую от неведомого помощника волну сопереживания, светлого и грустного. Оно подняло меня на гребень и… наверное, так ощущает себя шарик для пинг-понга, взмывающий со дна бассейна. Меня потянуло куда-то и выбросило высоко? Далеко? Вынесло куда-то за пределы бушующей над погибающим миром энергетической бури.

Оглядеться бы, хоть как, почувствовать окружающее спокойствие, но вместо этого я… просыпаюсь и, стерев со лба холодный пот, долго-долго гляжу в потрескавшийся от времени потолок и слушаю своё, так неохотно успокаивающееся сердце, одновременно пытаясь осознать привидевшиеся мне образы и понять смысл неизвестных мне бодрствующему, слов. В сереющем свете утра, льющемся в узкую щель окна-бойницы, и без того аскетичная, моя комната смотрится ещё более унылой, да и воспоминание о недавнем сне настроение отнюдь не повышает. Кошмар которого не было, уж очень прочно он вцепился в меня, не реже чем раз в месяц напоминая о себе. Впрочем, дед говорит, что это не просто сон, а прилипшая ко мне душа бедолаги, погибшего в гор-

ниле Последней войны, пытается достучаться, рассказать о когда-то постигшей мир беде. Ну, деду, конечно, виднее. С его-то умениями и мудростью… жаль только, что даже с ними, старый так и не смог избавить меня ни от этих снов, ни от той самой души. Приходится терпеть и ждать, когда этот несчастный всё же сумеет поведать свою историю и оставит, наконец, меня в покое.

Вздрогнув от утреннего холода, пробравшегося-таки под тонкое шерстяное одеяло, я вскочил с топчана и, не одеваясь, занялся зарядкой. Не от большой любви к пустому дрыгоножеству, просто, в этих стылых стенах поутру иначе не согреешься. Жаровни давно погасли, а тёплая печь находится слишком далеко от сдаваемых внаём спальных комнат. Среди здешних обитателей ходят слухи, что раньше, когда этот дом был полноценным владением, а не постоялым двором, как сейчас, в этой части здания была своя печь, но по приказу тогдашнего хозяина владения её снесли. Вроде как этот самодур таким образом хотел наказать нерадивых слуг за какую-то провинность, да не учёл начавшегося Прилива. Его воины выполнили приказ и разбили печь, а обитавший в ней дух – «запечник», потеряв дом, «исказился», преобразившись в нечисть. В результате, хозяин владения, как и ломавшие печь бойцы, не пережили следующей ночи, но поставить новую печь в этом крыле, с тех пор стало просто невозможно. Искажённый дух, дескать, является каждый раз, как кто-то берётся за дело, устраивает кавардак и вновь исчезает.

Уж не знаю, правда это или оправдание жадности нынешнего владельца постоялого двора, но обитателям этой части дома приходится обогревать своё жилище только жаровнями. Хотя, есть здесь один постоялец из «дрессировщиков», так ему комнату настоящая саламандра греет. Маленькая, правда, ну так это ненадолго. Саламандры, как и прочие искажённые, растут быстро, оглянуться не успеешь, как вымахает.

– «Ну, занудил… Одевайся, давай, завтрак ждать не будет. А тренировка, тем более!»

Тьфу, опять этот неспокойный достаёт. Я скривился и потопал в мыльню. С тех пор, как мне начали сниться кошмары о Последней войне, дед пытался избавить меня от этой напасти, и недавно, кажется, в чём-то напортачил. Так что, год назад у меня в голове объявился странный голос, иногда он не замолкает сутками, а иногда молчит по несколько дней подряд. И вроде бы, вот оно, расспросить бедолагу о том, что его мучает, и конец кошмарам, да и сам он, глядишь, упокоится наконец, да не тут-то было! У подселившегося духа оказались провалы в памяти. Причём, весьма странные. Никаких сведений о том, кем он был при жизни, и какой эта самая жизнь вообще была, у него не сохранилось, даже имени своего не помнит. То есть, если говорить о кошмаре, то где-то эти воспоминания всё же есть, но докопаться до них, мой невольный сосед не в состоянии.

– «Ничего удивительного, на таком тормознутом процессоре, как у тебя, даже в тетрис не сыграешь, перегреется. Ку-

да уж ему три-дэ видео крутить, да ещё по «сетке»!».

Вот-вот, говорю же, сумасшедший дух. Как что-нибудь ляпнет, так потом целый день голову ломаю, что именно он хотел сказать. Какой процессор, какое три-дэ, что такое видео? Сетка ещё какая-то… Тьфу на него, нечисть мелкотравчатую.

«Эй, а вот хамить не надо! Не хочешь мигрень на сутки-другие, за мелкотравчатого?»

– Заткнись, убогий! Тебя даже святые отцы за полноценную нежить не посчитали! Мелкотравчатый и есть! – Каюсь, не удержал язык за зубами. И этот… пакостник потусторонний тут же ответил выстрелом боли в висок. У-у, гадёныш!

– «Завтра Прилив начнётся, готовься». – Вот ведь… а я думал, чего это он проснулся? А оказывается, его очередной Прилив разбудил. Вот не было печали…

– «Да-да, ной больше», – фыркнул в ответ дух. – «А то я не знаю, как тебе не терпится новую экипировку испытать. Да и… денежки-то заканчиваются, а?»

Деньги, это да. Вторую неделю на постной каше сижу, денег осталось только на подготовку к выходу. Но и насчёт экипировки, прав «сосед». Собственно, из-за неё и пояс затянуть пришлось, зато теперь мне даже когти ночной криксы нипочём. А это значит, меньше расходов на эликсиры и помощь целителей по возвращении из выхода. Экономия!

– «Жрать иди, экономист». – Буркнул дух. Ну да, ему местная каша тоже не по вкусу. Хм, вот интересно, собствен-

ного тела у «соседа» нет, моим телом, как показали наши эксперименты, он управлять не в состоянии, но вот ощущать то же, что и я, вполне способен. В общем, весьма странный нечистик мне попался.

– «Это я странный?! Это мир ваш странный! Сплошное фэнтези, причём, зараза, тёмное, как вылезший из забоя Перумов!»

Опять из него непонятная дурь попёрла. «Фэнтези, Перумов…», что это такое? И ведь спрашивать бесполезно, всё равно не ответит… или ответит, что ещё хуже, поскольку от его объяснений у меня мозги плавятся!

Я вздохнул и, кивком поприветствовав стоящего за стойкой Арса – хозяина постоялого двора, устроился на своём обычном месте, за столом у окна в ожидании завтрака. «Ходоки», обычно, предпочитаютс сидеть по углам зала или хотя бы у стены, чтоб «спину прикрыть», но я считаю, что это дурость. Оно, конечно, в выходе следует быть осторожным, но «параноить», как говорит сосед, сидя на постоялом дворе, защищённом словом Церкви, это уже извращение. Безопаснее места нет на сотню километров вокруг, так сам Свет велел здесь расслабиться и отдохнуть после выхода, а упрямые ходоки не перестают себя накручивать. Дед говорит, что это дело привычки, а по-моему, сосед прав, когда утверждает, что именно из-за этой привычки среди ходоков нормальных людей нет вообще. Все с сумасшедшинкой, причём, каждый со своей.

– «Ага, дурдом «Весёлый резчик» на выезде. Собрание анонимных мясников!»

Опять он за своё. Не любит нашего брата мой сосед. И зря. Среди ходоков очень неплохие ребята встречаются. А что с придурью, так у кого её нет? Просто, мы не считаем необходимым скрывать свои недостатки.

– «Особенно в присутствии гостей»

Язвительность наше всё. С другой стороны, а что ещё остаётся бесплотному духу, неспособному даже передвигаться самостоятельно… Хм, надо же, промолчал! Но по поводу гостей, сосед в чём-то прав. Ленбург хоть и имперский город, но довольно небольшой и живёт он в основном за счёт ходоков. Собственно, подавляющее население города и состоит из ходоков. Бывших, будущих или настоящих. А гости, это неизбежное зло, с которым нам приходится мириться, ради той их малой части, что вливает свежую кровь в наш город. Но это единицы на фоне сотен людей прибывающих с Ленбург в поисках приключений, выгоды или того и другого сразу. Половина дохнет в первых же выходах, а большая часть оставшихся в живых делает отсюда ноги при первой же возможности. И в принятии этого решения им, в том числе, способствуют и ходоки, всеми возможными способами. А что делать? Конкурентов никто не любит… как и хамов, которых среди гостей почему-то попадается как-то слишком много.

– О чём задумался, Дим? – Лавка напротив скрипнула,

принимая на себя немалый вес. Мне же даже взгляд от тарелки не пришлось отрывать, чтобы узнать заговорившего со мной человека. Два метра роста, сто сорок килограммов живого веса и пудовые кулаки, с успехом заменяющие ему меч и шпагу. Ну, по крайней мере, на дуэльном поле никто не жаловался… мертвецы, вообще, ребята молчаливые, во всяком случае, пока не поднимутся. Ну а о том, чтобы это не произошло, мой собеседник способен позаботиться так, как не всякий святой отец сможет.

– Доброе утро, дед. – Отозвался я.

– Доброе-доброе. Привет соседу. Опять барагозит? – Ухмыльнулся старый в усы.

– Немного. – Я поморщился, потерев висок, который вновь кольнуло болью. Дух решил напомнить о вежливости… сволочь. – Он тебя тоже приветствует.

– А кроме приветствий, он ничего сообщить не хочет? – Прищурился дед.

– Если ты о грядущем Приливе, то я уже в курсе. – Улыбнулся я.

– Замечательно. – Старый явно обрадовался и я даже знаю, чему именно. Прилив, значит скорый выход. А выход, это прибыль для меня и пополнение запасов одного старого алхимика.

– Даже не надейся. – Я сходу решил обломать деда, пока тот не начал сочинять планы на ближайший месяц. – Раньше, чем через три дня я за город нос не высуну.

– А как же испытание?! – Возмутился старый. – Я для кого старался, спрашивается?

– Для своего кошелька? – Осведомился я. – Помнится, ты на это бронирование такую цену установить решил, что её не всякий ходок осилит. Вывод? Решил взять стоимостью, а не валом.

– Вот когда ходоки станут с каждого выхода приносить по сердцу жвальня, тогда и цену сбавлю. А до тех пор, увы и ах. – Деланно печально вздохнул старый, но тут же сменил тон на деловой. – Значит, отправляешься через три дня?

– Не раньше. – Кивнул я. – Пока первая волна Искажения пройдёт, пока гости тварей накормят… сам понимаешь, до тех пор, одиночке без поддержки в руинах делать нечего.

– Ла-адно. – Дед огладил короткую бородку и, зыркнув по сторонам (это в пустом-то зале! Прав сосед насчёт паранойи, ой прав.), выложил на стол тихо звякнувший подсумок. – Держи, Дим. Это, конечно, не поддержка словом Церкви, но всё же…

– Неужто «благодать»? – Изумился я.

– Тс! – Старый сделал «страшные» глаза и зашипел не хуже каменной гадюки. – Ты ещё на весь Ленбург проори! С ума сошёл?

– Ладно-ладно, извини. – Я поднял руки в жесте сдающегося и, смахнув подсумок себе на колени, довольно улыбнуся. – Спасибо.

– После выхода скажешь. Список «благодарностей» най-

дёшь внутри. – Дед подмигнул и, поднявшись из-за стола, отчего лавка, кажется, облегчённо скрипнула, потопал к выходу, по пути заставив посторониться компанию только что вошедших в зал гостей города, расфранченых по последней столичной моде. Замшевые камзолы с золотым шитьём, «зубочистки» в богатых лопастях, напомаженные усики… точно столичные дворяне нервы пощекотать пожаловали.

В другой момент, я бы дождался ходоков и насладился театром, но сейчас… от нетерпения, я смолотил кашу меньше чем за минуту и, кивнув лениво поглядывающему по сторонам Арсу, поспешил в свою комнату.

Часть I. Этот чёрно-белый мир

Глава 1

Освоил подарок, называется. Я обвёл взглядом вываленное на стол содержимое подсумка и ошарашено помотал головой.

– «И в чём проблема?» – Спокойный, разве что чуть окрашенный недоумением, голос соседа в голове, встряхнул меня, выводя из ступора. Мысли, разбежавшиеся было от одного вида дедова подарка, устаканились и даже, кажется, закрутились быстрее.

– Проблема? Это, брат, не проблема, это полный… – От волнения я заговорил вслух. – То, что ты видишь… то есть, мы видим, это так называемая «жидкая благодать». Но тут есть два момента. Первый – эликсир с таким названием готовят только святые отцы, и они очень не любят, когда кто-то лезет в их епархию. И это бы ещё ничего, всё-таки, доказать, что эликсир произведён не в одном из монастырей, невозможно. Но тут вступает в силу второй момент… я сейчас приоткрою одну склянку, а ты попробуй ощутить эманации её содержимого.

Покрытый белоснежным узором изморози, фиал щёлкнул прижимным рычагом, а в следующую секунду я вновь запер

склянку… от греха.

– «Тьмой прёт!» – В тоне соседа послышалалось неподдельное удивление.

– Именно. Это, так называемая «чёрная благодать». Запретная штука, которую некоторые ухари, вроде моего деда, делают из вытяжки соков доброй сотни искажённых трав и ещё хрен знает чего, но тоже совсем не светлого окраса. В отличие от обычного эликсира, который можно использовать в совершенно разных целях, эту дрянь применяют только ходоки во время вылазок в гнездовья, чтоб искажённые твари на их присуствие не реагировали… и тёмные для каких-то своих ритуалов. Собственно, именно из-за последнего, он и запрещён повсеместно. Откуда деду известен этот рецепт, ума не приложу. Но вообще, можно сказать, что у меня в руках сейчас готовый приговор, как минимум, на десяток лет очищения в одном из горных монастырей. А если старый с рецептом спалится, инквизиторы его казнят. Без пролития крови и отпевания, как отступника. Поганая смерть.

– «Брось бяку.» – Безапелляционно потребовал сосед.

– Ну уж нет! – Я даже головой помотал. – Такую роскошь выбрасывать, всё равно, что собственную удачу в карты проиграть. С этим эликсиром можно даже в городские подземелья в одиночку лезть, ни одна тварь не тронет. По крайней мере, на верхних уровнях. А ниже забираться, я не дурак. Эх, может действительно, завтра на выход, а?

Дух не ответил. За ним, вообще, водится такая привычка,

внезапно замолкать, чуть ли не посреди разговора. Нечасто, правда, но бывает. И ладно, у меня тоже дела есть… теперь. С получением подарка деда придётся перекраивать планы на выход, а для этого следует не только прикинуть свои новые возможности, но и в предоставленный им список «благодарностей» заглянуть не помешает. Уж в чём-чём, а в бескорыстии старого не упрекнуть. За свои творения он всегда берёт по высшей планке, и пусть качество артефактов и боевых эликсиров его производства стоит каждой уплаченной за них монеты, но то деньги, а мне придётся расплачиваться добычей! И зная деда, в списке будут не просто редкие и дорогие, а трудно добываемые ингредиенты… можно сказать смертельно трудные. Впрочем, эликсир того стоит.

Как и ожидалось, список совсем не напоминал перечень продуктов, которые можно купить на базаре. Одно хорошо, вопреки моим ожиданиям, среди требующихся деду ингредиентов не было ничего сверхопасного. Искажённые травы, которые можно найти после любого Прилива, не углубляясь в руины, части тел изменённого зверья, хищного, как и все искажённые твари, но обитающего на поверхности, а значит, не такого опасного, как подземные обитатели, которых и не заметишь, пока они не впрыснут в тебя какой-нибудь хитровымудренный яд. Хотя… вру. Вот один из пунктов списка: «брюшко бледного паука». Зачем, интересно, старому понадобилось аж два десятка ядовитых желёз этой гадости?

Да, поторопился я радоваться лёгкости исполнения зада-

ния деда. Погорячился. Бледные пауки водятся только в западной части руин, это не городские подземные лабиринты, конечно, но тамошние подвалы тоже не место для отдыха и всякой гадости в них хватает. А уж пауки… это вершина тамошней пищевой цепочки, как выражается мой сосед.

А что я о них помню? Восемь конечностей, шесть длинных многосуставчатых лап и две свёрнутые плети-стрекала вместо четвёртой задней пары, крепятся к небольшому округлому телу, способному становиться почти плоским. Охотятся из засад. Удар плети с лёгкостью вспарывает кожаный доспех, а яд убивает человека за несколько секунд. Мало, где тут мой справочник?

Порывшись в шкафу, я выудил из его недр небольшую шкатулку, в которой хранятся мои немногочисленные сокровища. Открыв кодовый замок, вытащил обрамлённую металлической рамкой, полупрозрачную пластину личного дневника и, проведя пальцем по матовой поверхности с изображением щита Пятикрестника, тяжело вздохнул. И чего только не хватало современникам моего соседа, когда у них были ТАКИЕ артефакты? И ведь видно, что это не игрушка для богатеев, вполне обычный предмет обихода, как ложка или нож. Правда, это было раньше. Сейчас, такой дневник стоит пять-шесть сотен золотых, и это притом, что на сотню в Ленбурге можно полгода прожить, ни в чём себе не отказывая!

Пластина осветилась мягким, почти незаметным светом

и по её поверхности побежали непонятные символы. Миг, и вместо строчек какой-то абракадабры, я вижу несколько схематичных чёрных картинок-значков на белой панели. Ага, вот он. Палец коснулся одной из картинок, и на пластине развернулся справочник-бестиарий. Удобная вещь, можно не только почитать сведения о разных созданиях Тьмы и способах их добычи, но и увидеть изображения тварей. А ещё здесь есть возможность редактировать описания и добавлять новые статьи, даже снабжая их собственными картинками – «фотографиями», как называет их мой сосед. И делаются эти самые фото-графии с помощью самого дневника.

Так, бледный паук… Вот он. Теплокровный, уже хорошо. Значит, незамеченым не подберётся, тут мои очки придутся очень кстати. А вот то, что он сам обладает тепловым зрением, это уже хуже. С другой стороны, а как ему ещё ориентироваться в отсутствии света? Радиус атаки до трёх метров… ничего себе, длина у стрекал!

Чувствителен к резкому перепаду температур… это значит, что лучше всего бить его либо огнём, либо льдом, в этом случае, даже прямое попадание не обязательно. Но в моём случае, огонь не подойдёт. Сразу можно ставить крест на трофеях. А это не только ядовитые железы по заказу деда, и лапы, которые охотно возьмут в любом трактире Ленбурга, но и кладка яиц и паутина, правда, на последние можно рассчитывать, только если наткнусь на гнездовье, а там пауки обычно обитают по три-четыре десятка, если верить бес-

тиарию… А ему можно верить. Я ведь только на покупку у ходоков обновлений для него потратил уже больше двухсот золотых. Правда, и заработал полторы сотни. Кое-кому пришлись по нраву мои карты южной части руин.

Ладно, с пауками разобрались, буду работать ледяными зарядами, заодно и паутину от клея избавлю. Судя по описанию, он от холода становится хрупким и ломким, легко и быстро счищается. А из самой паутины получаются неплохие изолирующие мешки для трофеев. Это хорошо, в Ленбурге такие мешочки в цене. Кстати, надо бы и насчёт остальных возможных трофеев побеспокоиться. Что там на западе водится, сколько стоит… прикину расходную часть и решу, что и сколько нужно будет собрать в выходе, чтобы не остаться внакладе.

– «Идём по магазинам?» – О, вот и сосед нарисовался.

– Не по магазинам, а по лавкам. – Мысленно уточнил я. – Нечего нам на складах делать. Не те объёмы, но я тебя понял. Да, нужно пройтись, наведаемся к алхимикам, зельеварам, да и в оружейную лавку заглянуть следует. У меня ледяных болтов к арбалету почти не осталось, да и бомб нет, а они нам в охоте на пауков ой как пригодятся.

– «Не спеши, ходок. Посмотри, сначала, какие твари в тех местах водятся, помимо этих самых пауков, а ещё лучше, выпиши их на листок, да прикинь, с чем против них выйдешь, если нечаянно наткнёмся».

– А выписывать-то зачем? – Не понял я. А когда сосед

объяснил, чуть не покраснел от стыда. Ну да, мог бы и сам догадаться. Не буду же я в каждой лавке вытаскивать дневник, чтобы определить, водятся ли на моём маршруте те твари или растения, что требуются вот этому конкретному алхимику или зельевару?

Работа с дневником заняла добрых три часа. И дело было не только в выписке возможных трофеев, на которой настоял сосед. Прокладка маршрута, пусть и примерного, тоже отняла немало времени, даже несмотря на то, что более точно прокладывать путь я буду позже, когда наберу заказов. А подсчёты связанные с закупкой необходимой экипировки? В общем, с постоялого двора я вышел, когда солнце уже перевалило за полдень, а жители города начали с нетерпением поглядывать на городские часы, в ожидании, когда те пробьют два раза, знаменуя начало обеденного времени. И их можно понять. По той жаре, что установилась в окрестностях Ленбурга с самого начала лета, работать в разгар дня желающих немного. Пыльно, душно… и хочется только одного: укрыться в тени с кувшином холодного пенного. Ну а мне это только на руку. Торговаться с разморенными от жары лавочниками, куда проще. И начну я, пожалуй, с заказов. Сначала определюсь с тем, что нужно нашим алхимикам и их собратьям зельеварам, а потом уже отправлюсь докупать экипировку и боеприпасы.

Травы-твари-травы-твари… в преддверии очередного Прилива, наши работники колбы и реторты, кажется, по-

сходили с ума! Стоило мне только заикнуться о заказе, как на меня вываливали целый ворох всяческих «надо», «хочу» и главное, «как можно больше». А я не ломовик, тонну припасов за раз не притащу.

Вообще, странно всё это. То ли мне повезло, и я оказался первым ходоком в этом сезоне, озаботившимся заранее разжиться заказами, то ли здесь что-то не так.

– Не так, не так. – Подтвердил мои размышления Хромой Зюйт, от одного вида которого, у меня появляется ощущение щекотки в мозгу. Это сосед так смеётся. Хотя, что смешного он нашёл в этом носатом зельеваре с сальными волосами, вечно наряженном во всё чёрное, по церковной моде, я не понимаю.

– «И не поймёшь». – Простонал дух. – «Но зельевар же! Зюйт, чтоб его!!! Южный! Почему хотя бы не Норд? Это было бы логичнее!»

– Так что не так-то? – Мысленно отмахнувшись от закатывающегося в хохоте соседа, спросил я Хромого. Тот криво усмехнулся.

– Цеха договорились о прямых поставках. Ходоки сдают трофеи своему синдику, а уже тот передаёт заказы по заранее утверждённым спискам нам. Твёрдые цены, гарантия поставки… это всё здорово, конечно. Но ты даже не представляешь, какая война идёт у нас в цехе за каждый трофей. Кому, сколько, когда. А ведь у каждого из нас свои планы, устаканеный процесс производства, а из-за этих новшеств при-

дётся всё это ломать и перестраивать. Что означает потерю времени и убытки.

– Неужели всё так серьёзно? – Покачал я головой. Хромой, в ответ, пожал плечами.

– И да и нет. Не всякий алхимик или зельевар может безболезненно потерять сотню-другую золотых, даже если в дальнейшем эта потеря вернётся к нему сторицей. Просто не хватит «жировых запасов». Но есть ведь ещё и ходоки-одиночки, вроде тебя, не состоящие в цехе. Правда, ты действительно оказался первым, кто пришёл к нам за заказом в этом сезоне. Так что, не всё так страшно, этот цирк мы сможем пережить без особых потерь, а вот тебе я советую быть готовым к тому, что ваша вольница заканчивается. Время ходоков-одиночек прошло. Сегодня, цеховые подминают под себя централизованную торговлю с алхимиками и зельеварами, а завтра они заберут себе всё, и вам придётся искать заказчиков где-то на стороне. А это, как ты сам понимаешь…

– Контрабанда. – Кивнул я. – За которую, власти Ленбурга по головке не погладят.

– Именно. Контрабанда, столь люто ненавидимая нашим бургомистром, от которой рукой подать до больших неприятностей с Церковью. – Уточнил Хромой.

Новости, сообщённые мне зельеваром, не радовали. Я, конечно, не великий мудрец, но понять, что Зюйт прав, это не мешает. Цеховые всегда относились к свободным ходокам с настороженностью и недоверием, считая, что мы отбираем

их хлеб. И не раз делали попытки подмять нас под себя. Но пока в кресле главы цеха алхимиков сидел прежний синдик, эти поползновения были обречены на провал. Старик великолепно понимал, что монополия цеха ходоков в конце концов приведёт к росту цен на ингредиенты и вовсю противодействовал этим попыткам. Но увы, год назад, он покинул свой пост и… занял место советника нашего бургомистра. А нынешний глава цеха не отличается предусмотрительностью своего предшественника и давно известен своим стремлением собрать всех ходоков под крышей цеха. Любыми способами и методами. Одно непонятно, как старый синдик мог допустить такое развитие событий, тем более, находясь на должности советника? Хм… кажется, мне нужно кое с кем посоветоваться.

Глава 2

Мой «носитель» в корне не прав. И я сейчас говорю вовсе не о грядущих проблемах ходоков, они меня не очень-то и волнуют. Речь о другом. Он упорно считает меня неким выходцем из прошлого. Может быть, в чём-то он и прав. Нас действительно могут разделять годы, если не тысячелетия, но моё прошлое и прошлое его мира, это не одно и то же. Я не помню себя, не помню своих близких и друзей, окружавших меня ТАМ, но я сохранил память о своём мире, пусть неполную и зияющую прорехами. Тем не менее, опираясь на неё, могу чётко сказать, мы из разных миров.

Алхимия, зельеваренье, маги и злые колдуны, всему этому, по моему глубокому убеждению, место на страницах фентэзийных книг, но никак не в реальности. Не было у нас ничего подобного. А здесь есть. Вывод? Скорее всего, выбросом энергии при гибели прежнего мира, мою душу или сущность зашвырнуло в какую-то параллельную или «перпендикулярную» реальность. В пользу этого факта, говорит и похожее ночное небо и Луна, и та же метрическая система (это при полном отсутствии французов!), один в один повторяющая известные мне единицы измерения, и даже язык, пусть мне и трудно воспринимать его на слух, ввиду того, что получаю всю «входящую» информацию через «фильтр» разума моего носителя, но и он очень похож на мой родной…

название которого я забыл.

Но как я и говорил, есть и серьёзные расхождения. Другие города, иная география, хотя что-то похожее опять же прослеживается, ну и магия. Только она здесь несколько странная. Магов, как они были показаны в книгах моего мира, здесь нет, точнее есть, но зовутся они иначе. Зато в достатке алхимиков, зельеваров и… чёрных колдунов.

Вот они-то, судя по описаниям Дима, и есть те самые, привычные мне по фантастическим книжкам «маги». Они и ритуалы всяческие творят и огненным шаром с руки запустить могут, мертвецов поднимают, химер всяких создают, и вообще, ведут себя, как и положено книжным магам. Но отношение к этой братии здесь насквозь утилитарное: за ушко и на костёр.

Местная церковь колдунов не терпит, да так, что те и живут только до первой встречи с представителями Инквизиции или братьями-рыцарями. Да, есть здесь и рыцарские ордена, как подчинённые церкви, так и состоящие на службе правителей… по слухам, сам-то я их пока не видел, не довелось. Впрочем, не только церковники давят чёрных. Обычные люди их тоже не очень-то жалуют, я бы даже сказал, люто ненавидят. В причинах такого отношения я пока разобраться не смог, а «носитель», то есть, Дим на все попытки прояснить этот вопрос, только плечами пожимает, дескать, это же чёрные! С ними только так и нужно… А почему, зачем, нет ответа. Ну да ладно, как-нибудь разберусь. Всё рав-

но мне здесь больше делать нечего, только наблюдать за жизнью Дима, да размышлять. Остальное мне недоступно. Я даже поговорить ни с кем не могу… хотя, нет, вру. Тот гигант, которого носитель зовёт дедом, прекрасно осведомлён о моём присутствии в черепушке его бывшего воспитанника и иногда мы перекидываемся с ним парой фраз. Но уж больно занятой этот «дед», так что, у него не так часто выпадает минутка для беседы с бесплотным духом.

Вот, кстати, интересный факт. Я почему-то уверен, что если бы подобный феномен обнаружили в моём прошлом мире, то дело не обошлось бы без его скрупулёзного изучения самыми разными специалистами. Здесь же, пригласили инквизитора Ленбургского Дома, тот провёл пару каких-то обрядов, подтвердил отсутствие Тьмы и… всё. Никаких попыток разобраться в причинах происшедшего, никаких исследований. Тьмы в теле нет – свободен. Хотя, соответствующий документ с описанием нашего с Димом случая, тот инквизитор всё же написал, но не отдал «носителю», а отослал в столицу империи. Для архива! Весело.

Я не знаю, когда появился в разуме Дима. Он говорит, что сны о так называемой «Последней войне», в которых я опознал последние мгновения собственной жизни, ему снятся примерно с семилетнего возраста, то есть уже лет десять, но я осознал себя лишь около года назад, правда, с огромным багажом знаний о самом Диме… и с почти полным отсутствием каких-либо сведений об окружающем мире. Почему

так? Не знаю, может раньше его мозг просто не в состоянии был принять два сознания? Как бы то ни было, но вот уже целый год я смотрю на мир чужими глазами, слышу чужими ушами и прикасаюсь к нему чужими руками. Плохо? Вот уж не думаю. По сравнению с небытием, это счастье! И я не хочу его лишиться, а потому стараюсь оберегать своего носителя от разных глупостей. Но надо заметить, что парень и сам далеко не дурак, так что одёргивать его мне приходится не так часто. Даже немного удивительно. Диму всего восемнадцать, а поведение и разумность больше соответствуют опыту двадцатипятилетнего. С другой стороны, здесь условия жизни такие, что дети взрослеют рано, и пусть пятнадцатилетних капитанов мне здесь встречать пока не доводилось, но вот управляющих лавок или торгующих на базаре крестьян, которым ещё года два-три не нужно будет думать о бритье, мы с Димом видали не раз. И опять же, это никого не удивляет, всё в порядке вещей.

Вот и сейчас, пока я размышлял, мой носитель уже успел не только по алхимикам и зельеварам пройтись, набрав заказов на пару выходов, но и добрался до оружейных лавок, в одной из которых сейчас придирчиво рассматривает арбалетные болты с наконечниками из хладного железа, освящённые в Ленбургском Соборе. Хорошая штука, самоподнявшихся умертвий валит с одного попадания. Разве что по конечностям лучше не стрелять, оторвать оторвёт, но подвижности мертвяка не лишит. Двух десятков таких болтов

на один выход обычно хватает, если не лезть на «кладбища», но учитывая, что Дим явно не собирается выполнять все заказы сразу, надо брать как минимум вдвое больше. Учитывая цену, в двадцать пять медных за болт, сорок болтов обойдутся нам в двадцать серебряных монет… или в пару золотых. Но это за болты с наконечниками из хладного железа, а если брать так называемые «ледянки», то цену можно смело удваивать. Оружие обработанное алхимиками всегда дороже, чем обычное. Про гранаты и вовсе молчу. Здесь, только алхимики их и делают, и цена у них соответствующая. Конечно, есть вариант и попроще, а именно, купить вместо освящённых болтов или тех же «ледянок», обычные с серебряными наконечниками, но это… паллиатив. Серебро, конечно, действует на искажённых тварей не хуже, да только такие болты получатся одноразовыми. Уж не знаю, что там за реакция происходит при соприкосновении серебра с тварью, но разрушающий эффект налицо. И твари конец, и, что характерно, болту тоже. В общем, если не хочешь переплачивать, лучше брать освящённые боеприпасы, есть шанс успеть вырезать их из «мишеней», и использовать ещё не один раз. То же самое и с болтами обработанными алхимиками, хоть ледяными, хоть огненными. Вторичная обработка десятка болтов обойдётся всего в пару серебряных. И это куда выгоднее, чем использовать одноразовые серебряные болты.

А Дим, действительно, решил закупиться по полной программе. Одних болтов, освящённых и «ледяных», набрал

добрую сотню. Минус семь золотых и пять серебряных. Да десяток «ледяных» гранат, это ещё минус пять золотых. Вот ведь, только закупаться начали, а уже двенадцать с половиной золотых, как не бывало! Да ТАМ на эти деньги можно было пару месяцев в пятизвёздочном отеле на курорте отдыхать по системе «всё включено»!

И ведь это не всё, что нам нужно купить! Ещё припасы в дорогу, мешки для трофеев, те самые, с изолирующим покрытием из паутины бледных пауков или какого-то её аналога, ещё кое-какие мелочи. И это тоже не в пару медяшек обойдётся.

В общем, к возвращению на постоялый двор, кошелёк Дима полегчал на добрых пятнадцать золотых, а значит, от и без того небольшого нашего бюджета, остались лишь крохи. Три золотых, если быть точным. Но зато можно с уверенностью утверждать, что всё необходимое для следующих двух выходов, мы приобрели. Теперь можно поужинать, расслабиться с книжкой, а с утра отправляться в первый выход. Правда, вместо всякой беллетристики, у нас с Димом в планах чтение дневника-бестиария и уточнение завтрашнего маршрута, теперь уже на основании тех заказов, что дали нам алхимики и зельевары. Нужно точно определиться, в какие места занесёт нас этот выход, и какие твари могут встретиться на месте сбора тех же заказанных трав. Да и вообще, отдых отдыхом, а самоподготовку никто не отменял. Тем более, что экзамены на знание материала у нас будут принимать совсем

не добродушные профессора, а те самые твари, которые и описаны в бестиарии. И лучше бы нам этот экзамен не проваливать. Не знаю как Диму, а мне умирать совсем не нравится, однозначно.

Утро… не знаю у кого как, а у Дима, как, кстати, и у многих знакомых нам ходоков, оно начинается с тренировки. Ну, почти каждое. И я стараюсь «присутствовать» на каждой. То есть, старательно прочувствовать и запомнить каждое движение, каждый выпад фальшиона, которым фехтует, то есть, сражается Дим. Не от большой любви к оружию или рукопашному бою, которым занимается мой носитель, нет… просто, сосредоточившись на его действиях, в какой-то момент, я начинаю ощущать их как свои собственные. Словно это я сам веду бой с тенью или наношу удары коротким тяжёлым клинком. Это непередаваемое ощущение, чувствовать каждый шаг, прыжок и удар. Тяжесть фальшиона в руке или скатывающуюся по шее каплю пота. Холодящий разгорячённую кожу ветерок и запах стали и кожи… Острое, почти физическое удовольствие. Жаль только, что длится оно не так долго, как мне хотелось бы. С окончанием тренировки, Дим выходит из своеобразного транса, и мои ощущения блекнут, словно притупляются, хотя и не исчезают до конца. А вместо них приходит лёгкая зависть к Диму и его умениям и сожаление о том, что мне самому не дано. А то, что он творит с тем же фальшионом, действительно, достойно уважения. Впрочем, не только с фальшионом, но иные клинки

Дим не очень любит и, однажды увидев бой команды ходоков с нежитью в руинах, я теперь понимаю и разделяю это его мнение.

Шпаги, даже те, что распространены среди дворян живущих войной, пусть тяжёлые, больше похожие на лёгкие мечи, всё равно неважное оружие против умертвий, совершенно нечувствительных к порезам и уколам, или нежити, частенько обладающей собственной весьма прочной бронёй, а уж в тесноте подземных лабиринтов, ещё и крайне неудобное. То ли дело, хороший топор или короткая абордажная сабля, массивная, тяжёлая, с одного удара отсекающая противнику «лишние» части тела. Нет, конечно, и шпагу местные алхимики могут доработать так, что по рубящим свойствам она не уступит палашу или фальшиону, а то и вовсе будет разрывать тела нечисти и нежити на куски с одного касания, но обработку, и без того весьма недешёвую, придётся время от времени обновлять, так что про цену такого оружия и говорить не приходится, да и длина шпаги, всё же избыточна. В общем, это оружие не для ходока и даже не для солдата, скорее для поединщика-дуэлянта. Но разве дворян, по дурости сующихся со своими вертелами в руины, убедишь? Дохлый номер. Правда, некоторые, из тех, что выжили после первого похода к искажённым тварям, сами приходят к нужным выводам, да только благодарить советчиков не торопятся. Гонор-с.

Есть и ещё одна вещь, почему я завидую своему носителю,

и она не имеет никакого отношения к его воинским талантам. Я могу почувствовать, пусть и несколько отстранённо, вкус еды и вина, касающихся его языка, ощутить жар огня и холод льда, обжигающие его кожу… но терпеть походы Дима к весёлым девкам, НЕ-ВЫ-НО-СИ-МО!!! В такие моменты я чувствую себя импотентом-мазохистом, смотрящим порнуху от первого лица. Брр. А потому, стараюсь забиться куда-то поглубже в сознание носителя, ухожу в транс и отключаюсь на пару-тройку дней, пока не успокоюсь. И кажется мне, что Дим о чём-то таком догадывается, но виду не подаёт. Да и бог с ним! Ещё не хватало, чтобы он напрягался из-за этой проблемы, не дразнит и ладно. Иначе, боюсь, я мог бы сорваться, а к чему приведёт такой срыв, неизвестно ни мне ни ему. Так что, переживу как-нибудь… Наверное. Надеюсь… м-да.

Из-за дедова эликсира, Дим всё же решил перенести время выхода на полдень нынешнего дня. С одной стороны, самый солнцепёк, с другой же… минимум возможных спутников и никакого столпотворения на воротах. Все кто хотел, вроде крестьян с ближайших хуторов, уже в городе, искатели приключений из столиц ещё отсыпаются на постоялых дворах, а свой брат-ходок в первый день Прилива на выход не рвётся. Хех, совсем уже к местной жизни привык, вот и ходоков за своих считать начал. Или себя к ходокам отнёс? Дух-ходок, это забавно. Особенно учитывая, что подавляющее большинство нежити, к которой формально отношусь и

я, находится по другую сторону баррикад.

– С чего начнём, коллега? – Поинтересовался я у Дима, когда мы миновали городские ворота.

– С дедова заказа. Там крайняя точка нашего маршрута, а тащиться в руины с мешком трофеев, мне совсем не хочется. Силы стоит поберечь. – Решительно ответил он, привычно переходя на мысленную речь. Пусть вокруг, вроде бы, никого нет, но кто его знает. А говорящий сам с собой человек, это событие, вызывающее подозрения… в одержимости. И пусть ленбургский инквизитор может подтвердить, что в моём носителе нет Тьмы, нужно ещё дожить до этого светлого момента, а со здешними параноиками, обитающими в непосредственной близости от руин и крайне нервно реагирующих на любые *необычности*, это проблема.

– Значит, сбором материалов по заказу алхимиков и зельеваров займёмся на обратном пути? – Спросил я.

– Или в следующий выход, если сможем сразу набить необходимое количество пауков. – Кивнул Дим. – Там тоже вес приличный получится. Особенно, если добавить к заказу старого, паутину, кладку и лапы тварей.

– Тогда, переходим на легионерский шаг, а я начинаю отслеживать живых и мёртвых? – Уточнил я.

– Именно. Так будет быстрее. – Согласился Дим и, чуть помедлив, добавил, – включай свой… «радар».

Глава 3

Как и чем прилепившийся к моей душе, бестелесный дух сособен ощущать проявления жизни и эманации Тьмы, не понимаем ни я, ни дед. Но факты – упрямая вещь. Сосед мой чует как живых людей и зверей, так и любую нежить-нечисть, и даже искажённые места за сотни метров. Он называет своё чутьё странным словом «радар» и, кажется, сам не в состоянии объяснить, как оно работает. По крайней мере, ни мне ни старому так и не удалось разговорить его на эту тему. Ну и ладно. Одной странностью больше, одной меньше… главное, что на пользу делу, а остальное переживём. А сейчас… маршрут проложен, оружие проверено, вперёд, ходок. За удачей и добычей.

Ленбург стоит, фактически, на границе освоенных земель. Отсюда рукой подать до Искажённых пустошей, а чтобы добраться до ближайших к городу руин, не нужно даже седлать лошадь. Пешком можно дойти часов за пять. Собственно, это одна из причин популярности Ленбурга у желающих пощекотать нервы дворян. Не нужно тратить время и деньги на многодневные походы вглубь пустошей, как пришлось бы в случае выхода из любого другого пограничного поселения… да и имперский город Ленбург, всё же не мелкий форт какого-нибудь маркграфа. Цивилизация, как-никак… пусть и своеобразная, но здесь даже театр собствен-

ный имеется, и зверинец… с ратушей. А Дом[1]? А командорство Томарского ордена[2]? Да один только квартал «белых» цехов[3] чего стоит. Такое разнообразие качественного вооружения, эликсиров и зелий, можно найти, пожалуй, только в столицах. В общем, богатый имперский город, пусть и находится далековато от метрополии. Вот и тянутся сюда всяческие авантюристы, искатели приключений и пресыщенные столичной жизнью молодые дворяне… и дворянки.

– «Внимание. Группа на три часа». – Вдруг прорезался мой сосед.

– Кто? Сколько? Куда? – Поддержал я рубленый тон духа.

– «Человек пять, сударь. Шагов за двести, сударь». – Явно ёрничая, ответил он, но тут же договорил уже вполне серьёзным тоном. – «В нашу сторону идут и довольно быстро, на лошадях, должно быть. Но вряд ли по наши души».

Решив дождаться «гостей», я огляделся по сторонам и, отыскав удобное место, присел на расстеленный у густого кустарника плащ, расположившись на самой границе рощи, мимо которой пролегал наш маршрут. А что? Со стороны незаметно, а если вдруг и разглядят, так привал, он и есть привал. Самое время, между прочим. Искажённые земли-то,

---

[1] Дом (Домский собор) – церковная резиденция, располагающаяся в имперском городе или в столице графства (герцогства, княжества).

[2] Томарский орден – рыцарский орден, занимающийся охраной границ с Искажёнными землями и уничтожением тёмных тварей.

[3] Белые цеха – условное название привилегированных гильдий, в число которых входят цеха ювелиров, алхимиков, зельеваров и цех оружейников.

считай, за этой рощей и начинаются. Самое время немного отдохнуть и перекусить, прежде чем идти в гости к тварям.

Тьфу ты! Это называется, вспомни г… Действительно, отряд из пяти человек на лошадях, вышли намётом из-за рощи и тут же сбавили ход, пустив коней шагом. Впереди сладкая парочка, явно дворяне, и трое охранников следом.

Охотники за тварями, чтоб их. Дворянчик вон как пыжится, ручка кренделькoм, ладошка на эфесе длиннющей шпаги, прям сейчас готов от всех тварей спутницу свою защитить. Камзол блестит золотым шитьём, берет с тонким пером сверкает искрами драгоценных камней в заколке… нос задрал, красуется петух перед курочкой. А вот девушка рядом с ним… м-да. И что ж тебя, такую красивую, да кудрявую понесло в Пустоши с одним охотничьим кинжалом на поясе? А платье? Да в таком, впору на балу у бургомистра блистать, а не к тварям в гости ездить… в дамском седле сидючи. У-у… смертнички!

Охрана? Хм, нет, к этим не придерёшься. Все трое средних лет, ворон не считают, вон как по сторонам зыркают. И вооружены неплохо. Короткие клинки на поясах, пристёгнутые к сёдлам пики пятой в стремя упёрты, приклады арбалетов за спинами виднеются. Для выхода в поле, самое то. Главное, в таком виде в руины не соваться, с пикой там не развернёшься. В общем, серьёзные дядьки… но если присмотреться, можно заметить, что и они в этих местах новички. Ни один опытный ходок в стальную кирасу не залезет.

На такое, только «томарцы» способны, но их доспехи не чета обычным, из-за алхимической обработки, каждый как дом в Ленбурге стоит. А здесь алхимией и не пахнет, разве что самой простенькой.

– «Серые они какие-то». – Подключился к моим размышлениям сосед.

– В смысле? – Не понял я.

– «В прямом. Что не искажённые, вижу, а точнее не читаются». – Ответил дух. Это странно, но… алхимики всякие артефакты делают, только деньги плати. Может и у этих «прогуливающихся» что-нибудь эдакое имеется.

– Может, они пока слишком далеко? – Предположил я, и сосед вроде как плечами пожал. Хотя откуда им взяться у бесплотного-то духа? Ну и ладно. – Подпустим поближе, определимся.

Подпустили метров на двадцать, благо за кустарником меня не видно. И всё равно, сосед не смог их «прочитать», как он это называет. Значит, точно артефакты. Наверняка, очередная попытка какого-то алхимика, скрыть свет человеческой души от тварей искажённых земель, не применяя запрещённых методов.

Я бы, может, и дальше продолжил свои размышления, одновременно следя краем глаза за проезжающей мимо кавалькадой, но не судьба. Конь под расфуфыренным дворянином вдруг тонко заржал, заиграл, перебирая на месте тонкими ногами, и резко подался в сторону. А в следующий миг его

седок полетел наземь, словно сломанная кукла, да так и не поднялся. Что за хрень?! Я проводил взглядом оставшегося без всадника коня, с диким ржанием умчавшегося куда-то в сторону Искажённых пустошей и ошарашено покачал головой.

– «Охранники». – Подал голос дух. Я взглянул на троицу телохранителей, сопровождавших дворян, и успел заметить, как двое из них убирают разряженные арбалеты за спины. Честно говоря, в этот момент я был готов к тому, что охранники разделаются и с подружкой франта, но не тут-то было. Очаровательное белокудрое создание в небесно-голубом атласном платье, остановило коня рядом с лежащим на земле трупом, и отдало приказ телохранителям, обыскать тело своего спутника. А когда те выполнили приказ и развели руками, не найдя искомого, девушка спрыгнула наземь и, в свою очередь, сноровисто обыскав бесчувственное тело, резко выругалась. Успокоившись и ещё несколько раз перерыв вещи своего незадачливого спутника, девица зло стукнула кулачком по колену и, взобравшись на лошадь, дала ей шенкеля, после чего, мне осталось только наблюдать, как уменьшившийся в количестве, отряд помчался в сторону старой дороги, подняв шлейф пыли с каменистой земли. Вот тебе и тепличный цветок, краса души отрада глаз. Не хотел бы я оказаться в числе врагов этой милой девушки.

– «Я его читаю». – Прервал мои размышления сосед, и я вздрогнул от неожиданности.

– Что?

– «Повторяю для тормозов, я могу прочесть этого бедолагу». – Фыркнул дух. – «Хмарь уходит, словно её и не было».

– Так он, что, жив? – Удивился я.

– «Без сознания». – Подтвердил дух и, чуть погодя, добавил, – «это странно, но ощущение Света от него возрастает и, кажется, он не рассеивается, а только набирает концентрацию».

– Свет от человека? – Всё страннее и страннее.

– Именно. Так не должно быть, как я понимаю. Но так есть.

Ещё бы! Свет не может возникнуть из ничего. Для этого нужны действия совершенно определённой направленности. Да и в этом случае, благодать не может найти пристанище в теле человека или его душе, не может там сконценрироваться. Да, по совершении некоторых действий, она зарождается в человеке и озаряет всё вокруг, но не удерживается и секунды в сотворившем её. Очистив своего создателя и то или тех, что его окружают, Свет растворяется в мире, делая его чуть чище. В отличие от черноты, которая, зародившись в человеке, может искалечить тело или пожрать душу, а чаще, и то и другое. По крайней мере, так говорит дед. Но здесь… здесь, если верить соседу, происходит то, чего быть не может. Человек источает Свет, и тот не рассеивается в мире. Так не бывает!

– Осмотрись, здесь никого нет? – Попросил я духа.

– «Думаешь, набегут твари?» – Понимающе произнёс он и добавил через несколько секунд. – «Чисто».

Оглядевшись вокруг, скорее по привычке, нежели действительно рассчитывая обнаружить то, что мог «проглядеть» мой сосед, я поднялся с плаща и, накинув его на плечи, метнулся к телу, по-прежнему неподвижно лежащему посреди каменистой пустоши.

Жив, действительно жив, хотя и без сознания. Никаких болтов в теле. Били ледяной пулей, не разрывной, на малом натяжении… только чтобы оглушить, но наверняка. И скорее всего, чтобы потом эту пулю никто не нашёл. Могу поспорить, точно такая же угодила в круп лошади, заставив нервного дарагонского скакуна умчаться прочь.

– «Стоп. Вот этот артефакт». – Проговорил сосед. В руке у меня лежал небольшой мешочек, из тех, в которых сентиментальные кавалеры хранят локон волос предмета их воздыхания, или выпрошенную безделушку.

Осторожно развязав кожаные тесёмки, крепко стянувшие горловину расшитого бисером мешочка, я вытряхнул на ладонь небольшой, покрытый изморозью стеклянный флакон в серебряной оправе, с притёртой крышкой. Подтекающий флакон. Что-то везёт мне в последнее время на «жидкую благодать». То чёрная, теперь вот, светлая… эх!

Ну, хоть стало понятно, откуда столько Света. В фиале-то, жидкость не фонит, но стоит его открыть… и лучшей приманки для тварей Пустошей не найти. Правда, в данном слу-

чае, его никто не открывал. Разбили? Не похоже.

Я провёл пальцем по крышке флакона и удивлённо хмыкнул. Палец оставил на стеклянной с виду крышке, еле заметную вмятину. Хо! Лёд, значит… удивительно чистый, надо заметить. Предусмотрительно, как и с пулей. Пока окружающая температура невелика, крышке хватает охлаждения от находящейся внутри флакона жидкости, но стоит ему оказаться в тепле, как ледяная пробка начинает таять и жидкая благодать истекает и испаряется, подавая сигнал для тварей Пустоши, инстинктивно стремящихся уничтожать любые намёки на Свет. Но самое главное, как и в случае с пулями, доказать убийство будет невозможно. Жидкость испарится, как и пробка, так что останется лишь пустой флакон, да ошмётки растерзанного тела и эманации Тьмы от пировавших искажённых тварей. Вот интересно, что ж такого натворил этот дворянчик, что барышня измыслила для него такую казнь?

– «Думаю, этот вопрос можно будет решить позже». – Встрял сосед. – «Скоро сюда доберутся первые искажённые».

– Ты прав. – Отозвался я и, словно в подтверждение сказанного духом, откуда-то из-за рощи донёсся знакомый заунывный вой. Бредни почуяли приманку. Не слишком опасные по одиночке, похожие на облезлых волков-переростков с треугольными, стоящими торчком ушами и узкими мордами с огромными клыками в смердящих гнилью пастях, об-

ладающие поджарыми телами и гипертрофированными когтями на длинных костлявых лапах, для охоты эти твари сбиваются в стаи до десятка особей и преследуют свою добычу неделями, выматывая постоянными короткими атаками, не давая ей остановиться даже на мгновение. И лишь загнав свою жертву до полусмерти, бредни кидаются на неё скопом. Милые пёсики, в общем… И сейчас, они явно учуяли эманации Света, а значит, уже идут сюда.

Флакон с благодатью летит в сторону и я, нащупав в подсумке «подарок» деда, аккуратно капаю содержимое фиала на лоб по-прежнему пребывающего без сознания дворянина. Следующую каплю размазываю по собственному лбу и, поморщившись от холода, встряхнувшего тело, вновь закупориваю фиал. Теперь у нас есть все шансы уйти от тварей, но… вот не думал, что так скоро придётся воспользоваться этим эликсиром!

А теперь… теперь нужно поторопиться. Стянув, точнее, срезав с бесчувственного тела плащ и камзол, я вытащил нож и, полоснув по предплечью руки дворянчика, основательно окропил кровью снятые с него вещи. Так, а вот шпагу и кинжал этого неудачника придётся оставить здесь. Вряд ли контролёр поверит, что бредни сожрали их вместе с телом. Но немного забрызгать оружие кровью не помешает, пусть твари погрызут железо, так будет достовернее. А в том, что контролёр непременно сюда заявится, я не сомневаюсь. Тот кто способен придумать такой заковыристый план, не оставит дело

на самотёк и обязательно проверит, как сработала его затея.

Следующий фиал почти мгновенно затянул порез на руке дворянчика, я взвалил тело на спину и поспешил укрыться в роще, но останавливаться в ней не стал. Наоборот, оказавшись под сенью деревьев, я постарался прибавить ходу, хоть это и было непросто, учитывая, что ноша мне досталась не из лёгких. Дворянчик, пусть и выглядел довольно субтильным, на деле оказался тем ещё тяжеловесом. А вот причину этого несоответствия мне удалось выяснить только на привале, в трёх километрах от места, где должен был окончиться жизненный путь моей ноши. У этого неудачника под рубашкой оказалась короткая, плотно облегающая тело рубаха из стальных пластин, явно доработанная алхимиками, и потому совершенно не стесняющая движений и незаметная со стороны. Но вот её вес… ну да, ещё ни один алхимик не смог добиться того, чтобы одновременно облегчить доспех, сделать его прочным и не стесняющим движений. Но если выбирать между прочностью и весом, я бы тоже выбрал первое.

– А где Наста? – Ну, наконец-то он пришёлв себя. Я окинул взглядом держащегося за голову дворянчика и вздохнул…

Глава 4

Рассказ получился коротким, но весьма содержательным. И как не удивительно, дворянчик вроде бы в него поверил, хотя доказательств я ему не представил. Впрочем, если понадобится, можно будет сводить его к роще и продемонстрировать то немногое, что подтвердит мой рассказ. Правда, для этого придётся выждать некоторое время, чтобы не нарваться на тварей или возможного контролёра. И об этом я тоже ему рассказал. Мальчишке хватило.

А пока дворянчик приходил в себя и примерял вытащенный мною из заплечника, и брошенный ему запасной колет, я пытался понять, что вообще толкнуло меня прийти на помощь этому… курёнку. А приглядевшись к спасённому, назвать его иначе, язык не поворачивается. Шестнадцатилетний недоросль, третий сын какого-то барона из центральных провинций империи, неизвестно каким ветром занесённый в наши края, вместо столицы, где его ждало тёплое место студента Университета, под крылышком императора. Мир он, видите ли, посмотреть решил, прежде чем оказаться запертым в университетском городке… это по его собственным словам. Ну, недоросль и есть. Ленбургские одногодки, по сравнению с этим баронским сынком, просто самые рассудительные люди на свете. Мрак!

– А где моя шпага, сударь Дим? – Одёрнув в очередной

раз великоватый ему колет, вдруг спросил этот…

– «Пир Граммон» – Подсказал сосед. Ну да, сударь Пир Граммон, третий сын барона Граммона, владетеля Бордэс, так он, кажется, представился.

– Там же, где ваш кинжал и камзол… сударь Пир. Очевидно, послужил зубочисткой какому-то бредню – Ответил я.

– Надо забрать. – Он даже кулаком по раскрытой ладони прихлопнул. И тон, уверенный такой! Идиот.

– Не выйдет. – Покачал я головой. – По крайней мере, не в ближайшие несколько дней.

– Это клинок моего деда! Он мне сам вручил его перед смертью, и я не могу вот так его лишиться! Как вы не понимаете?! – Воскликнул дворянчик, но, не увидев на моём лице сочувствия, вдруг дёрнул головой и, закаменев, процедил через губу. – Впрочем, какого понимания я мог ожидать от быдла? Черни недоступно…

Что там должно быть недоступно черни, я не дослушал. Уроки деда и жизнь в Ленбурге сказались быстрее, чем «баранёнок» успел закончить свою речь. В следующий миг мой кулак впечатался в челюсть Граммона и тот, нелепо взмахнув руками, кубарем покатился по земле.

– Слушай внимательно, идиот. – За шкирку подняв мотающего головой Пира на разъезжающиеся ноги, я прислонил курёнка к дереву, чтоб не упал, но воротник рубахи из руки не выпустил. На всякий случай. – Тебя привели в Пустоши на убой, как телка на верёвочке, и у тех, кто тебя сюда при-

тащил, были все шансы на успех, если бы рядом не оказался я, «чернь» и «быдло». И только благодаря мне ты сейчас стоишь на своих двоих, живой и здоровый, одетый в мой колет, с моим кинжалом на поясе, но даже не подумал поблагодарить за спасение, несмотря на всю свою дворянскую честь и высокое происхождение.

– Я… – Курёнок, кажется, оклемался от удара и попытался что-то возразить. Не вышло. Я крутанул рукой ворот, за который удерживал дворянчика, да так, что тот подавился словами. Но душить не стал. Отпустил. Граммон чуть постоял, покачиваясь, словно былинка на ветру, и мягко съехал по стволу дерева наземь.

Глянув на понурого мальчишку, бездумно смотрящего куда-то вдаль, я хмыкнул и отошёл в сторону. Гнев мой погас так же резко, как и загорелся.

– Извините, Дим. – Спустя минуту, проблеял Граммон. – Я вспылил и был не прав. И… спасибо, что не бросили там, у рощи.

– Проехали. – Буркнул я в ответ, в стиле соседа.

– Что?

– Ничего. Забудем о происшедшем. Я тоже не должен был распускать руки. – Вздохнул я. Мальчишка молча кивнул, наблюдая, как я собираю лежащие на земле вещи и укладываю их обратно в заплечник.

– Мы познакомились в Бринно, это городок на самой границе владений отца и имперского домена. – Неожиданно за-

говорил Граммон. – На балу у бургомистра. Она была такой… все молодые дворяне были покорены её красотой. Смех, Дим, если бы вы слышали её смех. Он был… как перезвон колокольчиков. Такой нежный, переливчатый. О, я был счастлив, когда она, из всех гостей, выбрала меня для белого танца. А на следующий день мне пришлось выдержать три дуэли подряд от неудачливых претендентов на её компанию. Отец и братья хорошо меня учили, я выиграл все три. Наста была впечатлена и предложила продолжить путь вместе. Как и я, она была в Бринно проездом, правда, ехала не в столицу, а в Ленбург. Я подумал, что другого шанса увидеть империю в ближайшие годы мне не выпадет, место студента в Университете никуда не денется, а отец, давая поручение, никак не ограничивал меня во времени его исполнения…

– «Бешеной собаке семь вёрст не крюк». – Прорезался сосед, и я мысленно с ним согласился. Действительно, не крюк, тем более, когда перед носом у собаки висит такой шмат мяса… Влюбился баронский сын, иными словами, до полной потери здравомыслия. Вопрос в одном, зачем он понадобился этой самой Насте. Не моё дело, конечно, но…

– «Интересно, да?» – Дух, кажется, и сам не прочь узнать подоплёку этой истории, вот только времени на это у нас нет. Дело не ждёт, и менять его на приключения Пира Граммона я не собираюсь. Я, всё-таки не третий сын барона, а сам Пир ничуть не похож на Насту. Пол не тот и стати подкачали. В общем, ну их эти приключения.

– «Это точно. Адреналина нам и в руинах хватит». – Согласился сосед и, чуть помолчав, поинтересовался, – «а с этим дворянчиком что делать будем? Он же тут не выживет, а в город отправить, всё равно, что самим ему горло перерезать. По крайней мере, пока эта самая Миледи не уберётся из Ленбурга».

– Миледи? – Мысленно переспросил я.

– «Наста». – Пояснил дух. И ведь спрашивать, почему он её так обозвал, почти наверняка бесполезно. С памятью у соседа не плохо, а очень плохо. Правда, лишь на знания из прошлой жизни. Ну и ладно. Сколько было этих незнакомых словечек и сколько их ещё будет.

– Граммон, я не буду спрашивать, почему эта самая Наста решила вас убить. Это ваши тайны и меня они не касаются. Не возражайте, Пир. – Я жестом остановил пытавшегося что-то сказать мальчишку. – Просто, выслушайте. Возвращаться в город, вам сейчас крайне опасно. То, что не получилось один раз, вполне может удасться вашим противникам со второй попытки.

– И что вы предлагаете? – Вклинился-таки в мою речь, баронский сын.

– Мне нужен помощник. – Честно ответил я. А что? Чёрная благодать собъёт агрессию тварей, так что, опасности минимум, а с помощью носильщика я смогу закрыть все заказы за один выход.

– Для похода в руины? – Вытаращился на меня Граммон.

И куда только подевалось всё его воспитание?

– Ну, а куда ж ещё-то? – Пожал я плечами. – В одиночку, мне пришлось бы делать два, а то и три выхода, а с вашей помощью, можно управиться за один. За те пять-шесть дней, что мы пробудем в руинах, ваша недоброжелательница наверняка покинет город, и вы сможете спокойно вернуться.

– А если… – Начал было баронский сын.

– Если к нашему возвращению она всё ещё будет в городе, поверьте, сударь Граммон, мы сможем об этом узнать заранее и так, чтобы она осталась в неведении.

– И всё-таки, мне с трудом верится, что Наста могла так со мной поступить. – Тихо пробурчал Пир.

– Что ж, если не верите, можете прогуляться в город и посмотреть ей в глаза. – Развёл я руками. – Ручаюсь, она будет очень удивлена тому, то вы выжили. И непременно постарается исправить это недоразумение.

– Нет уж, предпочту повременить. – Поёжился Граммон и, окинув взглядом свой наряд, вздохнул. – Но я совершенно не готов к походу в руины. Благодарю вас за кинжал, конечно, но кажется мне, что его одного в предстоящем походе будет маловато.

– Моих припасов хватит на двоих. – Успокоил я новоиспечённого напарника. – А оружие… поверьте, если будете следовать моим указаниям и не станете лезть на рожон, оно вам вообще не пригодится.

– Как это?! – Изумился он. – Это же Искажённые пусто-

ши! О них по всей империи легенды складывают. Будто твари здесь только и рыщут, чтобы разорвать любого несчастного, что посмеет сюда сунуться без подготовки.

– Тварей здесь действительно много, это же их вотчина. Но, во-первых, они и друг друга жрут, иначе бы на одной диете из ходоков и авантюристов, давно бы с голоду загнулись, так что, при выборе меж мясистым сородичем и худосочным человеком, скорее выберут первого. А зная их повадки, вполне можно обойтись без стычек. А во-вторых, мы идём в руины не воевать. – Пожал я плечами. – Ходоки, знаете ли, сударь Граммон, вообще не любят устраивать в Пустошах бессмысленные бои. Куда проще и безопаснее тихо прийти, тихо собрать необходимое, и так же тихо уйти. Меньше проблем, больше добычи.

– «Правильно, а о том, что благодаря чёрному благословению у нас куда больше шансов на воплощение этой идеи, лучше промлчать» – Ехидно заметил сосед.

– Зачем же тогда вам столько оружия? – Недоверчиво хмыкнул Граммон.

– «Столько»? – Деланно удивился я. – Фальшион в моих ножнах и кинжал на вашем поясе, это разве много? Заметьте, вы путешествовали по империи, будучи вооружённым, не хуже чем я. А ведь империя, куда более безопасное место, чем Искажённые Пустоши, согласитесь?

– А арбалет?

– Сейчас, это не оружие, а инструмент, с помощью кото-

рого я намереваюсь добыть часть того, что заказали мне алхимики Ленбурга. – Ответил я.

– Инструмент? – Изумлению Пира не было предела. – Боевой арбалет, для вас просто инструмент?

– Именно, точно такой же, как лопата. – Я невозмутимо кивнул и в доказательство продемонстрировал своему новоявленному спутнику один из болтов, снаряжённых вместо классического бронебойного наконечника, керамическим шариком с морозной алхимической смесью. – Видите? Он не взрывной, и предназначен для… ну, пусть будет, охоты, но уж никак не для бессмысленной бойни.

– Знаете, сударь Дим, когда вы так объясняете, всё выглядит не страшнее лесной прогулки. – Задумчиво проговорил Пир. – Но вспоминая рассказы о Пустошах… разница пугает.

– Истина всегда лежит где-то между крайностями, в независимости от числа последних. Для новичков и самоуверенных глупцов ищущих подвига, Искажённые земли действительно смертельно опасны. Но немного осторожности, знаний и опыта снижают эту опасность многократно, сударь Граммон. Мы, ходоки, знаем это как мало кто другой.

– И где же набираются знаний и опыта те самые новички? – Прищурился Пир. Пытается поймать на несостыковках? Зря.

– Знания можно купить, а опыт наработать в командах ходоков. – Улыбнулся я в ответ. – Правда, цена знаний неко-

торым может показаться завышенной, но это дело такое… относительное.

– Какое? – Не понял Граммон.

– Относительное. – Повторил я. – То, что одному покажется слишком дорогим, другой купит даже за вдвое большую цену. Особенно, если этот другой уже успел хоть раз побывать в Пустошах.

– А если в цифрах? – Уточнил Пир. Какой он, оказывается, настойчивый. Может, Наста его за эту черту характера и грохнула? А что? Достал её спутник своими приставаниями до печёнок, девка его и пришибла. Чем не версия?

– «Ответь уже своему помощнику. Не видишь, как ёрзает?» – Ехидный тон соседа мгновенно вернул меня на землю.

– Если в цифрах, то шесть-семь сотен можно уложиться. Золотых, разумеется. – Ответил я и с удовольствием наблюдал, как отвисает высокорожденная челюсть потомственного аристократа.

– Это же два года учёбы в Университете… или месячный доход среднего баронства! – Охнул Граммон, приходя в себя от таких новостей.

– Увы, да. Знания всегда стоят дорого. – Деланно печально вздохнул я в ответ и, бросив взгляд на алые отсветы закатного солнца, недовольно нахмурился. – Так, сударь мой, Граммон, мы с вами заболтались, а время идёт. До захода солнца осталось не больше часа-полутора, так что отыскать в Пустошах безопасное место для ночёвки, мы уже просто не

успеем. Бродить же там после заката, попахивает самоубийством, поскольку ночные твари куда агрессивнее дневных. Так что, предлагаю разбить лагерь прямо здесь, дождаться утра, а там по холодку выйдем на маршрут.

– Вы командуете, сударь Дим. Вам и решать. – Несколько отрешённо проговорил Пир, явно всё ещё находящийся под впечатлением от рассказа о стоимости «знаний» ходоков. Ну и ладно. И покомандую и порешаю. Мне не трудно.

Глава 5

Пока Дим вёл в руины нашего помощника, я предавался размышлениям о борьбе Добра и Зла и дуальности сущего. А если не витийствовать и говорить просто и понятно, то пытался разобраться с недавними событиями, в которых так рьяно проявили себя Свет и Тьма. Для Дима, как и для подавляющего большинства жителей этого мира, всё просто и понятно. Есть Добро и есть Зло. Добро олицетворяют жители освоенных земель в целом и ударный отряд в лице Церкви и рыцарских орденов, в частности. А в качестве противоборствующей команды выступают обитатели Искажённых Пустошей, сами Пустоши и нередкие проклятые места, играющие роль эдаких анклавов Зла в освоенных землях. И да, конечно, тёмные колдуны, как мобильные пункты распространения Тьмы. В общем, классика фэнтези, во всей своей красе.

Я мало что помню толкового о прошлой жизни, но точно знаю, что чёрно-белое восприятие мира в моё время и в моём мире не пользовалось особым уважением. Наверное, именно поэтому, мой разум сомневается в столь кристально ясной трактовке, что предлагает местное общество и эсхатология. Ну трудно мне себя убедить в том, что здешняя Тьма и Свет, которые я очень хорошо ощущаю, между прочим, и есть те самые абсолюты-антагонисты, на которых ле-

жит ответственность за всё плохое и хорошее, что есть на свете. Для меня естественен факт, что и добро и зло проистекают из мыслей, действий и бездействия человека, и потому не могут писаться с заглавной буквы, как и любое человеческое деяние, за редкими, весьма редкими исключениями. Подвиг, Мать, Родина, вот слова которые, на мой взгляд, должны начинаться с большой буквы, но никак не «добро» и «зло». Здесь же… понятия эти обыденны, зримы, и пишутся и даже произносятся, исключительно так. А я до сих пор не уверен, что ощущаемые мною эманации света и тьмы, действительно есть воплощения того самого добра и зла. Впрочем, об этом я уже упоминал. Хотя, если подходить к вопросу чисто практически, то не могу не признать, что пока не видел от фонящих тьмой тварей ничего, кроме попыток сожрать моего носителя, а Церковь за то недолгое время, что я имею возможность наблюдать её деяния, даже заставила меня принять необходимость говорить о ней именно что с той самой пресловутой заглавной буквы. И было от чего. Все госпитали, школы, приюты и дома призрения, все они здесь находятся под управлением Церкви, а святые отцы, если позволяет возраст, не чураются выходить с рыцарскими отрядами против Искажённых. И не то что не чураются, рвутся! Да и вообще, не похожа эта Церковь на организацию из моего прошлого мира. Здешние святые отцы не берут на себя прав монополиста-провайдера связи с горними высями, не берут денег сверх церковной десятины, получаемой, внимание! ОТ

ГОСУДАРСТВА! И как я уже сказал, не только словом, но и делом борятся против тёмных тварей.

Но самое интересное, здешняя Церковь не пропагандирует наличие некоего высшего всеведущего, всезнающего и всемилостивейшего… Наоборот, я уже трижды слушал в Ленбургском Доме проповеди здешнего приходского священника, и трижды он говорил не о Боге и его милостях, а о человеке и его делах. А если свести всё, о чём проповедовал святой отец в одно предложение, пусть и несколько упростив и сократив содержание, то получим одну мысль, красной строкой проходившую через все его речи, мысль, которую он чуть ли не саморезами вворачивал в головы паствы, а именно: всё добро и всё зло исходит от самого человека, и нет ничего праведнее, чем благодетельствовать в пользу ближнего и тем самым искоренять зло… если сил не хватает, чтобы уничтожать его сталью. Вот так просто. Творение добра есть помощь в искоренении зла. Не можешь уничтожать тьму мечом, борись с ней, творя добро. И повторюсь, ни одного замечания о «рабах божьих», «страхе божьем», адских сковородках, райских кущах и смирении перед властью, «ибо она от бога». А присутствовавший на этих проповедях, инквизитор, между прочим, только благостно кивал на каждую фразу святого отца и совсем не выглядел недовольным.

Кстати, не могу не заметить, что все три раза мы с Димом оказывались на проповеди после неудачных выходов, когда нашему телу доставалось от искажённых тварей. Вот

как только мой носитель оказывался способным подняться с койки в лечебнице, так и топал в Собор на проповедь, получал мощный заряд Света… и выздоравливал после таких визитов раза в два быстрее. Что, прямо скажем, придаёт немалый вес тем самым проповедям, и так и склоняет согласиться с мнением большинства. Но торопиться развешивать ярлыки, мол, вот это тьма и она – зло, а это свет, и он – добро, я всё же пока не стану. Вот накоплю статистический материал, тогда и посмотрим. А пока… какого?! Ди-им!!!

Меня вдруг окатило такой волной тьмы, что крик вырвался непроизвольно. А в следующую секунду я услышал своего носителя.

– Что стряслось, сосед? – От Дима так и пахнуло настороженностью.

– Всплеск тьмы, мощный, близко. – Быстро ответил я, одновременно дав носителю направление, с которого пришла волна. Впрочем, это было необязательно. Над холмом, из-за которого на нас и накатило, возник огромный, зримый столб *черноты,* тут же иглой вонзившийся в небо. По округе ударил порыв ледяного ветра, оставивший на камнях белёсые разводы, а через секунду всё стихло. Исчезло ощущение близкой тьмы, пропала чёрная «игла» и только быстро истаивающая изморозь напоминала о том, что здесь только что произошло что-то очень странное.

Дим тихо выругался но, заметив недоумённый взгляд нашего нечаянного спутника, прекратил сотрясать воздух бес-

смысленными звуками.

– Что это было, сударь Дим? – Спросил Граммон, настороженно поглядывая в сторону холма.

– Рождение нового пятна. – Зло буркнул мой носитель. – Именно из-за таких вот внезапностей, ходоки и не любят выходить в поиск в первые дни Прилива. Слишком велика опасность вляпаться в смертельные неприятности, такие, как это пятно, например. Окажись мы сейчас чуть ближе к его центру, и Искажённые пустоши получили бы двух новых жителей, если, конечно, умертвий можно так назвать.

– А сейчас… – Пир явно занервничал, и я его понимаю. Такие новости не способствуют сохранению хладнокровия. – Сейчас это пятно для нас опасно?

– Тьма всегда опасна. – Пожав плечами, ответил Дим. Ну да, успокоил мальчишку, называется. Психолог, чтоб его!

– Тогда, может, стоит обойти это пятно стороной? – Спросил Граммон, шагая следом за моим носителем, который даже не подумал притормозить, и как шёл по маршруту, так и продолжал переть вперёд, держа курс точно на тот самый пресловутый холм.

– Нет. – Отрезал Дим. И я его понимаю. В подобных случаях, кстати говоря, редких даже в Искажённых пустошах, опасность представляет сама вспышка тьмы, корёжащая и коверкающая всё, что попадает под её удар. Но сам процесс изменения длится не меньше двух-трёх дней, в течение которых пятно практически безопасно, если, конечно, не тянуть

руки куда не следует, потому как искажение порой затрагивает не только органику, но и неживые предметы.

Понятное дело, что с моей чувствительностью, у Дима не будет проблем с определением степени опасности какого-нибудь неприметного на вид, но накачанного под завязку тьмой, камешка, но у других-то ходоков такого «анализатора» эманаций тьмы и света, нет. Максимум, на что они могут рассчитывать, это слабенькие артефакты алхимиков или не менее слабые эликсиры зельеваров, реагирующие на присутствие рядом тьмы. Впрочем, обычно им хватает и этого. Вкупе с богатым опытом, подобные артефакты довольно неплохо защищают своих владельцев от неприятностей.

– Почему? – А настырный мальчишка. Другой бы на его месте давно заткнулся и постарался не отсвечивать, а этот…

– Потому что шанс побродить по новорождённому пятну выпадает один раз на сотню. – Снизошёл до объяснений Дим. – А алхимики и зельевары платят золотом по весу за куколки проходящих искажение тварей.

– О… – Граммон умолк, глядя куда-то в пространство. Должно быть, размечтался, что найдёт в пятне окуклившегося кабана-секача. Наивный.

Как и ожидалось, в пятне, родившемся на каменной осыпи за холмом, ничего выдающегося мы не обнаружили. Слишком неудобное место, здесь и насекомых-то нет, не то что животных. Хотя, если порыскать среди валунов, может быть пару ящериц и отыщем…

Мои размышления прервал всплеск недовольства донёсшийся от носителя. Интересно, что он такое обнаружил?

– Сударь Граммон, поздравляю с первой находкой в Пустошах. – Проговорил Дим, глядя на два гладких кокона, вытащенных Пиром из какой-то расселины. Точно, окуклившиеся ящерицы. Но вот Граммону, вместо поздравления, нужно было вломить от души, чтоб не тянул грабки к непонятностям посреди искажённого пятна.

Мой носитель смерил светящегося от радости мальчишку долгим взглядом и, поманив его пальцем, кивнул в сторону расселины.

– Скажите, Пир. Вы вытащили свою находку оттуда?

– Именно так, сударь Дим. – Довольно кивнул тот, и пустился было в объяснения, но носитель пресёк их одним жестом.

– Я рад, что у вас такое хорошее зрение, сударь Граммон. – Заговорил Дим, когда наш спутник замолк. – Но я искренне сожалею, что это единственное достоинство вашей головы.

Мальчишка покраснел от обиды, но носитель не дал ему и слова вставить. Вытащив из кармана серебряную монету, Дим резко швырнул её в узкую щель меж камней, где глазастый Пир и узрел перерождавшихся тварей. Монета звякнула где-то в глубине расщелины, а в следующий миг над трещиной взвился чёрный, пронизанный алыми сполохами дым.

– Ч-что эт-то было? – Заикаясь, произнёс Пир, округлыми

от изумления глазами следя за тем, как рассеивается чёрное облако.

– Ваша феерическая удача, сударь Граммон. – Резко ответил Дим, указав кончиком моментально извлечённого из ножен фальшиона на красноватые отблески, виднеющиеся на изломах камней в расселине. – Тьма искажает не только живых и мёртвых. Она и камень может превратить в чистое зло.

Вот, о чём я и говорил. А мальчишка, судя по вытянутой физиономии, проникся… что не может не радовать.

– Простите, сударь Дим. – Поник Пир. – Обещаю впредь не быть столь легкомысленным и спрашивать вашего совета прежде, чем хватать… всякое.

– Договорились, сударь Граммон. – Кивнул мой носитель. – А сейчас, идёмте. Там в глубине оврага может найтись что-то не менее интересное, чем эти куколки. Кстати, возьмите изолирующий мешок, и переложите свою добычу в него.

– Это так важно? – Взяв протянутый Димом мешочек, спросил Пир.

– Очень. Куколки развиваются под воздействием Тьмы, учитывая же, что дальнейший наш путь почти полностью пролегает по чёрным пятнам, дня через два куколки окончательно переродятся и потеряют свою изначальную ценность в глазах возможных покупателей. Да и таскать в карманах искажённых тварей, удовольствие небольшое, согласитесь?

– То есть, лучше таскать порождения зла в мешке? – С намёком на улыбку, уточнил Граммон.

– Мешок изолирует куколки от эманаций Тьмы и приостановит процесс перерождения. – Дим никак не отреагировал на подначку спутника. Но тот и сам спохватился и стёр с лица улыбочку. Нет, ну ребёнок же! Только дети способны забывать об опасности, которой они только что подверглись, и улыбаться как ни в чём не бывало.

Пока Дим и Пир обсуждали находку и средства её сбережения, я «принюхался» к коконам, стараясь запомнить то ощущение, что они у меня вызывают. А оно было хоть и слабым, но довольно отчётливым и… странным. Куколки не отдавали тьмой или, тем более, светом, но от них исходило ощущение какой-то сосущей пустоты, можно сказать, голода и жажды… тьмы. Если это ощущение характерно для всех перерождающихся тварей, а не только для двух найденных Граммоном ящериц, то я, пожалуй, смогу отыскать пару-тройку образцов и на нашу с Димом долю.

А что? Пара куколок Пира с лёгкостью уйдут Ленбурге за полсотни золотых. А чем мы с носителем хуже? Вот и я о том же, мы не хуже, мы лучше. А значит, вперёд и с песней! Как говориться, бороться и искать, найти и перепрятать!

Дим потопал вниз по склону, в сторону небольшого перелеска росшего на другом краю оврага, обходя подозрительные места и стараясь не грохнуться на каменной осыпи, а следом за ним, двинулся довольный Граммон. Я же старательно «принюхивался» к окружающему пространству, стараясь уловить любую странность. И ведь уловил. И носите-

ля своего навёл на находку. Так что, спустя десять минут, Дим снял предусмотрительно закреплённую на заплечнике лопатку и принялся разрывать попавший под искажение муравейник. Конечно, муравьи, это не ящерицы, зато их много. Пусть далеко не все из них выжили после удара тьмы, но и тех, что окуклились, хватит, чтобы сравнять наш с Граммоном счёт.

Глава 6

Ну, Пир Граммон, ну су… сударь, чтоб его! Ведь трижды, трижды предупредил его, чтобы не вздумал в пятне хвататься за что ни попадя. И всё без толку, только увидел коконы и тут же потянул к ним грабки, словно дитя неразумное. Так кто он после этого? Баранёнок, однозначно. Наивность ягнёнка с хватательными рефлексами баронов, страшная смесь! Искренне сочувствую его батюшке и поздравляю с наличием старших отпрысков. Хоть какая-то гарантия, что этому недорослю не грозит баронская корона, а баронству, соответственно, – банкротство.

– «Старший умный был детина, средний был и так и сяк, третий вовсе был дурак». – Продекламированные соседом строки заставили меня улыбнуться. Интересно, что это такое?

– «Не помню». – Дух, наверное, вздохнул бы, если б было чем. А так, до меня дошла только лёгкая тень сожаления, впрочем, тут же смытая деловитостью.

– «Пятно прошли. Встаём на маршрут?»

Именно, но сам маршрут предлагаю чуть изменить. Изначально мы планировали идти налегке до поворотной точки, а уже набив пауков, на обратном пути заняться выполнением попутных заказов. Но сейчас у нас появился помощник, которого можно нагрузить трофеями и при этом не потерять

особо в силах и возможностях.

– «Точно! Повысим барана до мула! Или осла?» – В тоне духа послышались насмешливые нотки. Язва. Но… нет, всё же до мула сударь Граммон не дотягивает. А вот осёл, вполне. Решено. Как оглашают приказы в легионах, «волеизъявлением военного совета», Пир Граммон повышен в звании до отрядного осла. С чем его и поздравляем… мысленно. Мне ещё обиженного дитяти тут не хватало.

– «Пф! Кому ты компостируешь мозги, сосед! Сам повесил нам на шею этот жернов, так чего ныть? Пищи, а беги…»

И ведь не поспоришь с этим бесплотным созданием. С другой стороны, а что прикажете делать с мальчишкой? Бросить в Пустошах на верную смерть? Так ведь, с такими замашками, сам не заметишь, как в черноту уйдёшь. А эта дорожка не по мне.

Выйдя к опушке небольшого пожухлого леска, я жестом остановил следующего за мной по пятам Граммона и, лишь оглядевшись по сторонам и выслушав соседа, не обнаружившего поблизости какой-либо опасности, двинулся по краю зажатой меж двух холмов длинной долинки, сплошь покрытой алой травой, встопорщившей длинные тонкие «хлысты» с метёлками мелких жёлтеньких цветков на кончиках.

– Стоп. – Затормозив у самого начала травяного ковра, я остановил своего спутника и тот, выполнив приказ, молча взглянул на меня с явным вопросом в глазах. – Сударь Граммон, с этого момента я буду обращаться к вам по имени и

того же жду от вас. Иначе, боюсь, в случае опасности я просто не успею о ней предупредить, и нас напластают ломтями раньше, чем я договорю слово «сударь». Это ясно?

Ответом мне стал резкий кивок и выжидающий взгляд. Ну надо же, всего одна демонстрация характера Пустошей, и мальчишка начал соображать. Уже хорошо, тем больше шансов у нас закончить дело и уйти невредимыми.

– Замечательно. Тогда, перейдём к делам насущным. Видишь эту травку? – Я указал на Пиру на поросшую алой растительностью долину. – Нам требуется нарезать не меньше двух килограмм таких «хлыстов», но только цветущих, и… не вздумай вырывать траву с корнем, если не хочешь неприятностей.

– Каких? – Не сдержал любопытства баронский сын.

– Больших, Пир. Как только корень окажется на открытом воздухе, растение тут же распылит ядовитую пыльцу, а следом за ним «полыхнёт» и всё это поле, защитная реакция, говоря умным языком.

– А яд смертельный, да? – Нахмурился Граммон. Я же задумался… Честно говоря, это был не тот вопрос, которого я ждал.

– В какой-то мере. – Определившись, ответил своему спутнику. Тот непонимающе взглянул на меня.

– Это как?

– Ну, если противоядие не принять, то дня через два, можешь и кончиться под каким-нибудь лопушком. – Почесав

затылок, пояснил я.

– Почему под лопушком? – Изумился Граммон. И это всё, что его интересует?

– Потому что пыльца алого хлыстовика вызывает неудержимый понос. Да такой, что остановить его можно лишь противоядием, приготовленным на основе вытяжки из того же растения. А у меня такого противоядия нет. Зато есть кое-что другое. – Так и не дождавшись нужного вопроса от своего спутника, я решил форсировать процесс и, выудив из снятого со спины заплечника короткий тубус, извлёк из него небольшой секатор, одну из обработанных нейтрализующим раствором, тканевых масок и пропитанные чёрной смолой бумажные перчатки. Стандартный набор сборщика трав. – Держи.

– Подготовка, однако. – Покачал головой баронский сын, натягивая перчатки и примеряясь к секатору.

– Я же знал, куда и зачем иду. – Пожал я в ответ плечами и кивнул в сторону поля. – Всё, Пир, принимайся за работу. А я присмотрю сверху, чтоб к нам нежданчик не пришёл.

– Нежданчик? – Не понял Граммон.

– Бродячие твари. – Пояснил я. – Не забывай, мы не на прогулке в парке, а в Искажённых Пустошах, причём не сказать, что на самой окраине. Здесь всегда нужно держать ушки на макушке.

Пир вздохнул и, натянув на лицо маску, принялся за работу. Я тоже не стал нарушать технику безопасности и вторая

маска извлечённая из тубуса, закрыла нижнюю часть моего лица. Пусть я не собираюсь заниматься сбором хлыстовика, но если баранёнок ошибётся в работе, то количества пыльцы, выброшенного в воздух этим полем, хватит, чтобы накрыть облаком всю долину до самых вершин холмов. В общем, лучше перестраховаться, противоядия-то у меня и в самом деле нет.

Понаблюдав за тем, как Пир старательно выискивает среди хлыстовика цветущие растения, я печально вздохнул и двинулся вверх по склону. У меня на сбор нужного количества травы ушло бы часа два, в случае же с непривычным к такой работе баронским сынком, это время можно смело умножать на два. А значит, раньше чем через четыре часа мы отсюда не уйдём…

В отличие от долины, сплошь поросшей хлыстовиком, холмы окружившие её, представляют собой абсолютно безжизненные груды камней. Здесь нет ни кустика ни деревца, только обломки скал и вездесущая серая пыль, забивающаяся во все щели. Хорошо, что я догадался напялить маску, иначе сейчас, взметаемая ветром, эта солёная и горькая пыль скрипела бы на моих зубах. Впрочем, она и без того добавит мне головной боли. Вечером придётся основательно чистить костюм от набившейся в него пыли, в противном случае, через сутки она начнёт въедаться в кожу, вызывая зуд и сыпь. Серая пыль – бич здешних мест. Тварям на неё плевать, а вот ходокам она доставляет немало проблем, заставляя подыс-

кивать места для стоянок вблизи воды и каждый вечер чистить экипировку, избавляясь от этой серой гадости.

Казалось бы, если эта пыль такая сволочная вещь, зачем лезть туда, где её больше всего? Но что поделать, если сидя на вершине холма, куда легче засечь приближающуюся опасность. Конечно, у меня есть мой сосед, который всегда готов предупредить о незваных гостях, но одно дело, быть предупреждённым, когда расстояние до опасности не превышает пары сотен метров, а время на подготовку к встрече исчисляется секундами, и совсем другое, увидеть приближение возможных неприятностей за пару километров. В общем, ради такой возможности стоит потерпеть некоторые неудобства, тем более, что они давно уже стали привычным злом. Мелкой, но почти безвредной пакостью.

Следить за окрестностями, занятие скучное. Вокруг расстилаются каменистые, редко поросшие перелесками равнины. И лишь гряда холмов уходящая далеко на юг и где-то там превращающаяся в один из отрогов Срединного хребта, отсюда больше похожего на нагромождение облаков на горизонте, разбавляет невзрачность открывающихся видов. Скука… в какой-то момент, она достаёт так, что почти всерьёз хочется увидеть хоть какое-то движение. Пусть даже это будет стая бредней. Но когда подобные мысли начинают закрадываться в голову, я, встряхнувшись, принимаюсь проверять вооружение, чтобы через минуту вновь сосредоточиться исключительно на окружающем пространстве. Знаю, за такое

несение дозора любого легионера ждала бы неделя работ золотарём, не меньше. Но здесь в Пустошах, нет вражеских лазутчиков, только и ждущих ослабления внимания дозорных, а у меня нет команды и сменщика, которому можно было бы передать «вахту». Полагаться же на Граммона, было бы полной глупостью. Парнишка просто не понимает всей опасности здешних мест, не знает куда смотреть и на что обращать внимание, а значит, способен пропустить опасность, просто не опознав её. Оно мне надо?!

– «Распадок на одиннадцать часов. У кривой сосны». – Голос соседа неожиданно раздавшийся в моей голове, заставил дёрнуться. А взглянув в указанную сторону, я лишь в очередной раз порадовался предложенной духом системе, позволяющей быстро находить взглядом то, на что он указывает. Уж не знаю по какой причине, но вроде бы смотрящий на мир моими глазами, сосед отчего-то успевает замечать куда больше и, кажется, имеет куда как более широкий угол обзора, нежели я. Вот и сейчас, он умудрился заметить маячившие на самом краешке переферийного зрения, две небольшие фигурки, устроившие какую-то непонятную возню в распадке меж двух низеньких холмов, под странно искривлённым стволом старого дерева.

Не теряя времени, я опустил на глаза круглые окуляры изготовленных дедом очков, тут же плотно прижавшихся к моему лицу и, крутанув рифлёное колесико, рывком приблизил далёкую картинку. Небьющиеся, обработанные какой-то

алхимической дрянью, стёкла очков на миг помутнели, но почти тут же изображение прояснилось и я смог рассмотреть происходящее в добром километре от меня так, словно действо творилось всего в нескольких метрах от моего наблюдательного пункта. А посмотреть было на что. Там, в распадке, какой-то невезучий ходок умудрился напороться на жвальня. Я не представляю, какой силы должен был быть Прилив, чтобы суметь так исказить обычного медведя. Но результат, устойчивый результат, между прочим, просто пугал. Получившаяся в результате искажения, огромная, порой достигавшая веса в тонну, чешуйчатая тварь, вооружённая мощными медвежьими когтями и широченной усеянной острейшими зубами пастью, по праву считается самым опасным хищником Пустошей, справиться с которым, без алхимического оружия, можно лишь командой в пять-шесть человек, да и то, если сильно повезёт. И сейчас, именно такая тварь решила закусить каким-то ходоком. Вот ведь… пакость!

Впрочем, противник ей попался, пусть и не такой пугающий, но явно умный и хорошо вооружённый. По крайней мере, огненными гранатами он орудует с толком, не подпуская к себе тварь на расстояние броска. Вот только боюсь, это мало ему поможет. Огонь гранат не очень-то опасен для бронированной туши. Вот если бы ему снаряжённый теми же алхимиками болт в пасть засадить… или в глаз. Тогда, да. Верная смерть.

Я покосился в сторону Пира, по-прежнему ползающего на четвереньках по полю и, мысленно выругавшись, свистнул. Баронов сын тут же поднял голову и посмотрел в мою сторону. Жестом я подозвал помощника к себе, и когда он оказался рядом, вручил ему пару ледяных гранат из своих запасов.

– Смотри в оба и держи кинжал наготове. – Проговорил я, а когда Граммон состроил недоумевающую физиономию, развернул его в сторону сражающихся. – Я должен помочь. Если не вернусь, заберёшь мой заплечник и двинешься в город. На входе покажешь стражникам кинжал, точнее, герб на его навершии, и тебя тут же проведут к моему деду. Расскажешь ему обо всём происшедшем, он поможет. Понял?

– А… это обязательно? – Каким-то пришибленным тоном спросил мальчишка.

– Тебя спасать тоже было совсем не обязательно. Так что, может мне не стоило заморачиваться? – Рыкнул я в ответ.

– И-извини, Дим. Глупость сказал. – Вздохнул Пир и, встрепенувшись, договорил. – А может, я с тобой пойду?

– Я спасаю несчастных, а не идиотов. – Открестился я от предложения своего спутника и, заметив очередной недоумевающий взгляд, покачал головой. – Чем ты там поможешь с одним ножом и парой гранат? Правильно, ничем. Так что, сиди здесь и смотри представление. Если выживу, расскажу, как это всё выглядело вблизи. А нет, ты расскажешь моему деду, что видел. Всё. Разговор окончен. Я пошёл.

Заплечник наземь, арбалет и кивер со стрелами на плечо.

Первый фиал… я поморщился от предстоящих ощущений, но, отжав рычаг, решительно опрокинул содержимое стекляшки в глотку, которую тут же обдало жаром. Следующий эликсир будет ещё хуже. Глоток… и во рту растекается невыносимая хинная горечь. Ну и третий, как награда за страдания! Зеленоватое, мерцающее золотистыми искорками, содержимое фиала, обдав внутренности зимним холодом, упало в желудок. Сладкая штука… Началось! Цвета ушли, оставив вместо себя все оттенки серого. Картинка стала необычайно резкой, контрастной… и начала замедляться. Всё, подействовало. Вот теперь и проверим, так ли преувеличивал дед, когда утверждал, что с этой тройкой его эликсиров я могу поспорить в скорости даже со жвальнем.

Глава 7

Размышлять о том, что делает ходок в Пустошах, аккурат после очередного Прилива, времени не было. Как и желания. На данный момент, меня беспокоил совсем другой вопрос: успею или нет? А если успею, то смогу ли справиться с жвальнем до того, как эликсиры закончат своё действие?

Старый гарантировал полчаса эффекта от полной порции, то есть от трёх выпитых целиком фиалов. Но в таких количествах я эту гадость ещё не пил, мне обычно хватало и нескольких капель. И я с ужасом думаю о том, во что выльется отходняк. Я и после малой порции, обычно не меньше часа головными болями мучаюсь, а что будет теперь?!

Пока добрался до удобной точки, присмотренной ещё с прежнего наблюдательного пункта, успел прокрутить в голове не один десяток мыслей и идей, но оказавшись на месте, отбросил лишние размышления, сосредоточившись на происходящем в распадке. Хвала удаче ходока, пока добирался до этого холмика, утёсом возвышающимся над местом боя, обстановка внизу почти не изменилась. «Коллега», как выразился бы сосед, всё так же метался по каменной осыпи, время от времени отпугивая крутящегося внизу у той самой кривой сосны жвальня, время от времени порывающегося идти в атаку, и тут же получавшего огненный шар, расплёскивавшийся у самых лап, а то и влетающий прямо в морду. Жва-

лень оскальзывался на неустойчивых камнях и, каждый раз устраивая небольшой оползень, сам скатывался вниз к деревьям. Там он тяжело поднимался и, оправившись от очередного удара, вновь начинал примериваться к прыгающему с валуна на валун ходоку. Весьма шустрому и гибкому, надо заметить. Вот только, видно, что и он устал. Это было легко понять по тому, как с каждым отбитым нападением жвальня, ходок замирает на месте, чтобы отдышаться, вместо того, чтобы попытаться уйти выше по осыпи. Впрочем, жвалень явно чувствовал себя не лучше, а то и хуже ходока. Всё-таки, многочисленные огненные удары сказались на этом, таком крепком на рану порождении Тьмы. Правда, гипертрофированное даже для тварей Пустошей, упорство по-прежнему толкало его атаковать вёрткую и кусачую добычу, и можно не сомневаться, он будет пытаться дотянуться до ходока, даже на пороге смерти.

– «Это уже не упорство, а упоротость». – Сосед, как всегда, в своём репертуаре. Коротко, ёмко, язвительно. Но сейчас у меня нет времени на болтовню. А потому… вот сволочь! Как же развернуть этого борова?! Бить его в зад, даже освящёнными или алхимическими болтами, просто бесполезно, он даже не почешется.

В этот момент в морду жвальня прилетела очередная граната и расплескалась по чешуе. Тварь коротко взвыла и покатилась вниз, вздымая облако пыли и обрушивая целый камнепад. Медленно-медленно… для меня. Успею? Успею.

Приклад арбалета упёрся в плечо, басовито прогудела тетива и сошедший с направляющей, обработанный алхимией, болт устремился к цели, оставляя за собой взвихрившийся снежинками след. Аккуратный, чтобы не повредить механизм, рывок взводящей рукояти на себя и под тихий, почти неслышный треск шестерён, тетива вновь встаёт на боевой взвод. Ещё один болт ложится на направляющую и почти тут же срывается в полёт, туда, где ревущий во всю свою лужёную глотку, жвалень пытается вырвать угодивший ему в пасть, первый болт. Промах! И белёсое пятно изморози растекается по шее твари. Вот же! Не обратил внимания на наконечник, и вместо нужного использовал один из тех, что покупал для охоты на пауков, а у них вообще нет острия. Только керамический шарик с алхимической морозной смесью. Таким бесполезно пытаться бить тварей, а уж пробить толстую чешую жвальня и подавно невозможно…

Для следующего выстрела я уже не выхватываю из кивера первый попавшийся под руку болт, а, ориентируясь по цвету оперения, вытаскиваю снабжённый наконечником-жалом. Этот тоже обработан алхимией, но в отличие от предыдущего имеет все шансы «вскрыть» броню твари и изрядно понизить температуру её тела!

Выстрел! И вместе с моим болтом, в морду жвальня впивается ещё один. Это очнулся ходок на осыпи. Вот интересно, а ведь я не видел у него арбалета… Распадок оглашает истошный полурёв-полувизг, и тварь, пошатнувшись, падает

на подламывающиеся лапы.

Но перевести дух я не успел. Стоило только начать подниматься на ноги, как сосед буквально полыхнул эмоциями. Тут было всё, от настороженности до гнева. Но предупреждение, пусть и сумбурное, всё же дошло до меня, и я рухнул на колено. Вовремя! Над головой просвистел болт. Однако, ничего себе благодарность!

Неужто мне не повезло нарваться на одного из людей синдика? Или у ходока, от приключения со жвальнем, просто крыша поехала, как выражается мой бестелесный друг?

– «А мне вот интересно, если ты прав со своей теорией добрых дел, и причиняемое зло действительно растит в душах людей тьму, то как типы подобные синдику или той же Насте с её охранниками, до сих пор не попались на зуб инквизиторам?» – Как всегда неожиданно прорезался мой сосед.

– Это всё, что тебя беспокоит? – Мысленно осведомился я.

– «Ну да». – Были бы у духа плечи, он непременно ими пожал бы. Вот просто чую! Чудненько. Меня тут обстреливают, а всё что интересует соседа, этические проблемы и реальная ценность проповедей святых отцов. Нашёл время, ничего не скажешь.

Тем временем, ходок и не думал успокаиваться и продолжал садить по мне из арбалета с завидной скоростью. То ли тоже глотнул эликсиров, то ли у него на вооружении вовсе не

арбалет, а что-то другое. Иначе объяснить эту бешеную скорострельность я не могу. Учитывая же тот факт, что дед не горит желанием продавать свои уникальные творения направо и налево, и представляя себе фантазию имперских оружейников, вечно выдумывающих какие-то хитрые приспособления для охоты и сражений, я склонен предполагать второй вариант. Скорее всего, мой противник вооружён чем-то оригинальным и скорострельным.

– Он один? – Спросил я соседа. Тот ответил утвердительно. Это хорошо, значит, в спину удара можно не ждать, а это уже даёт возможность для манёвра и контратаки. Прекратив судорожно метаться по плешивой вершине холма, в попытке сбить противнику прицел, я отпрыгнул от очередного выстрела, ударившего рядом со мной огненным фонтанчиком, и рванул вниз по склону, стараясь выйти из зоны видимости неугомонного стрелка, находящегося несколько выше, а потому имеющего очень хороший вид на «мой» холм. Отстреливаться от него я даже не пытался, всё равно, даже с моей увеличенной эликсирами старика скоростью и реакцией, у меня просто не хватало времени на перезарядку арбалета. Кто сказал бегство? Тактическое отступление. Оставлять за спиной агрессивного стрелка было бы глупостью. А значит… значит, придётся его нейтрализовать, выражаясь заумным языком моего бестелесного соседа. Но для этого, сначала нужно скрыться с глаз ходока. А потом уж можно будет и взять его за кадык. Обязательно. Жаль, что рвануть в

атаку напрямик мешает тот самый обрыв, из-за которого я и выбрал этот холм в качестве «засидки». Иначе, находясь под действием эликсиров, я не стал бы мудрить с отступлениями и прочими фланговыми обходами, всё равно противник ничего не смог бы противопоставить моей скорости.

Рывок удался, хотя и пришлось обходить распадок по дуге, а там и вовсе зайти к противнику с тыла. Ну а дальше всё было просто и понятно. Один удар в челюсть едва успевшему повернуться ко мне лицом ходоку, лёгкий и аккуратный, чтоб не убить ненароком, и дело сделано.

Наблюдая как медленно для моего ускоренного эликсирами сознания, оседает на камень тело противника, я наконец немного расслабился. Угроза, пусть и временно, устранена и новых вроде бы не предвидится. По крайней мере, сосед молчит, а это уже что-то.

Действие элексиров окончилось как всегда внезапно и абсолютно неожиданно для меня. В глазах помутилось, рекой полились слёзы, уши заложило, а из тела словно выдернули все кости, и я мягко осел рядом со своим недавним противником. Ладно, переживём. Через пару минут всё будет в порядке, а головная боль придёт не сразу. Не знаю точно сколько времени у меня есть, но чую, стоянку на ночь придётся обустраивать пораньше, иначе я рискую свалиться с головной болью прямо посреди маршрута. А это не самый лучший вариант в Пустошах.

Как и написал дед в поясняющей записке к эликсирам,

моё самочувствие пришло в норму меньше чем через пять минут, и я наконец получил возможность хорошенько рассмотреть своего противника. Что я могу сказать? Обычный ходок. Довольно молодой, лет двадцать-двадцать пять на вид. Невысокий, черты лица… ну, если бы не начинающая стремительно опухать скула, их можно было бы назвать тонкими. Бледноват, правда, противничек, а в остальном, обычный ходок и, судя по экипировке, не сказать, чтобы очень удачливый.

Уж что-что, а защиту для бренного тела наш брат выбирает тщательно и денег не жалеет. Так что, по её типу и наличию алхимической обработки почти всегда можно отличить опытного ходока от начинающего. И сейчас передо мной был явный середнячок. Обычная, хотя и подбитая кольчужной сеткой, но довольно потёртая кожаная куртка, недорогой короткий легионерский меч на поясе, совершенно непримечательный тканный заплечник… разве что хитрое стрелковое оружие выбивается из образа. Закреплённая на внешней стороне предплечья прямоугольная плоская коробка с выступающими над тыльной стороной ладони двойным стволом, и вся эта машинерия соединёна гибкой трубкой с небольшим медным, явно алхимически доработанным, баллоном, крепящимся за плечом. Интересная штука, никогда такой не видел.

– «Тоже мне, асассин недоделанный».

– О, кажется, кто-то имеет что-то сказать по поводу уви-

денного мною оружия? – Мысленно спросил я вновь прорезавшегося в самый неожиданный момент соседа.

– «Вот только не надо этих еврейских штучек! Я и так всё расскажу. Пистолет это, воздушный. Стреляет пулями за счёт сжатого газа в баллоне. И судя по огненным всполохам, пули у него не простые, а обработанные».

– А асассины с евреями здесь причём? – Не понял я. – И кто они вообще такие?

– «А я знаю?» – С искренним недоумением отозвался дух. Понятно. Опять что-то вспомнил, и опять не до конца. Бедолага.

– «От склеротика слышу». – Буркнул сосед и вновь замолчал. Хм, обиделся что ли? Ладно, потом разберёмся. Сейчас есть задача поважнее.

Вязать побеждённого ходока пришлось шнурами с его собственной куртки, а потому мне пришлось изрядно повозиться, ворочая бессознательное тело с боку на бок. Но я справился. И лишь обеспечив собственную безопасность, рискнул привести пленника в чувство.

Хлопок по неповреждённой… пока ещё неповреждённой половине лица, заставил ходока почти мгновенно выплыть из забытья. Быстро, однако.

– Ну, и что это было? – Спросил я недоумённо лупающего глазами пленника. Тот перевёл взгляд на меня и нахмурился. – С какой радости ходоки вдруг стали палить по собратьям приходящим им на помощь?

– Это была моя охота. – Тихо буркнул пленник. – А ты чужого подранка добрать решил. Что ж мне, любоваться надо было?

– О… я, оказывается, ошибся. Ты новичок в Пустошах, да? – Спросил я, цокнув языком. – И наверняка, в недавнем прошлом промышлял охотой. Я прав, браконьер?

– И что? – Пленник попытался пошевелиться и поморщился, когда кожаные ремешки врезались ему в запястья. – Это даёт тебе право отбирать чужие трофеи?

– Идиот. Мне сегодня просто везёт на идиотов. – Вздохнул я. – Очнись, если кто и стал бы трофеем в вашей схватке, то это ты! Лезть на жвальня с одними лишь огненными гранатами, это полное сумасшествие. Ты не в родном лесу на кабанчика вышел, ты в Пустошах, придурок! И если хочешь выжить в этих местах, советую наведаться в цех и прикупить там дневник-бестиарий. А заодно, пройдись по тавернам и поговори с опытными ходоками, узнай писанные и неписаные правила выходов в Пустоши.

– Э-э…

– Нормальный ходок, если видит собрата проигрывающего бой с искажённой тварью, обязательно придёт на подмогу. – Объяснил я. – И даже спрашивать не будет, нужна тебе эта помощь, или нет.

– Просто так? – Изумился этот… собрат баранёнка.

– Именно. Хотя, если предложишь долю от взятого на двоих трофея, отказываться никто не станет. Но это уже, как те-

бе совесть подскажет. Не захочешь, можешь и одним «спасибо» отделаться, не обидишь. – Пояснил я.

«Охотник» недоверчиво на меня покосился, но убеждать его… в общем, чиркнул я по путам засапожником, поднялся с камня, да и пошёл себе. Меня там другой… новичок дожидается, поди уж все глазоньки проглядел. Впрочем, расслабляться, повернувшись спиной к недавнему противнику, я не стал и, услышав сзади шорох, несколько напрягся.

– Эм-м, ты это… прости, а? Я же не со зла… – Промычал охотник. В ответ, я только махнул рукой и прибавил ходу.

Глава 8

Вопреки моим ожиданиям, Пир сумел достаточно быстро и уверенно разбить лагерь в указанном мною месте, так что ночь в Пустошах мы встретили со всем возможным комфортом. Я даже успел привести в порядок свою одежду, прежде чем головная боль от принятых днём элексиров деда, отправила меня в забытьё, плавно перешедшее в глубокий сон. И здесь Граммон не подвёл, хотя, полагаю, после вчерашних приключений ему было жутковато, тем не менее баронский сын честно отдежурил половину ночи и лишь потом разбудил меня.

До второй точки маршрута, лежащей несколько в стороне от руин, мы добрались когда солнце уже было в зените. И снова я поручил сбор трав моему помощнику. К счастью, здесь не было таких проблем, как со сбором алого хлыстовика, но и объём работы был значительно больше. На этот раз нас никто не беспокоил, так что, через три часа мы справились с задачей и, перекусив сухпайком, отправились в путь.

– Куда двинемся завтра? – Поинтересовался Граммон вечером, когда мы устроились на вторую ночёвку и, разобравшись с очередной чисткой одежды, уселись ужинать у костра. Понятно, что интересует баронского сына не столько очередная точка маршрута, сколько мои дальнейшие планы вообще. Что ж, мне нетрудно удовлетворить его любопытство.

– Отойдём севернее, километров на десять, посетим ещё одно место, выполним пару заказов ленбургских зельеваров. А оттуда двинемся в западную часть руин. Там отыщем убежище для тебя на то время, что я буду охотиться, а послезавтра, если охота будет удачной, отправимся обратно. По пути заглянем ещё в пару мест, наберём кое-каких трав и… здравствуй, Ленбург!

– То есть, можно рассчитывать, что в городе мы будем дня через четыре? – На миг задумавшись, спросил Пир.

– Если повезёт, то и раньше. – Кивнул я. – Но не советую особенно на это рассчитывать. Пустоши, место непредсказуемое. Иногда, сложный выход, к которому команда готовится месяцами, вдруг оказывается лёгкой прогулкой, а бывает и так, что обычный сбор трав на ближних лугах заканчивается смертью всех участников.

– Это я уже понял. – Вздохнул Граммон. – Дим, а тот ходок… ваши встречи в Пустошах всегда оборачиваются боем?

– Нет, конечно. – Рассмеялся я. – Это было исключение из правил. Скорее даже, неудачное стечение обстоятельств. Попавшийся нам ходок – новичок, причём из бывших охотников. И действовал он исходя из обычаев тех самых охотников, то есть, увидев, что я атакую «его» трофей, решил, что я намерен отобрать у него добычу. Но у нас так не принято, зато есть неписаное правило помогать попавшему в переплёт собрату. А этот новичок был по уши в проблемах, уж поверь.

Так что, я просто не имел права пройти мимо и не помочь.

– Он решил откусить кусок, который ему не по зубам. – Понимающе кивнул Пир.

– Именно. – Согласился я и пояснил. – На жвальня, вообще, меньше чем вдвоём не ходят. Быстрая и чрезвычайно опасная тварь. И то, опытные ходоки, если идут на него парой, предпочитают засадную охоту или устраивают западню. А этот решил, что справится с жвальнем в одиночку. Новичок, одним словом. Да ещё и самоуверенный. Ну ничего, глядишь сегодняшний день станет для него уроком. И если этот охотник выучит его, то может быть нашего брата станет на одного больше.

– Хочешь сказать, из него может получиться профессиональный ходок? – Удивился Пир.

– Вполне. – Кивнул я. – Он вынослив, быстро реагирует на смену обстановки и хладнокровен. Ну а со временем, наберётся опыта и знаний. Глядишь, ещё и в золотой десяток попадёт.

– Золотой десяток? Что это?

– Десять лучших ходоков Ленбурга по списку цеха. – Объяснил я. – Самые удачливые, сильные… ну и богатые, конечно. Продержишься в списке два года, и можешь считать, что заработал денег на владение, и обеспечил безбедную жизнь не только себе и своим детям, но и внукам, а то и правнукам, если последние не прогуляют наследство прадеда.

– Однако. – Граммон даже головой покачал удивлённо. –

Вот не думал, что ходоки так богаты.

– Так ведь, не все. – Спустил я замечтавшегося баронского сына с небес на землю. – Если бы всё было так просто и замечательно, то половина империи давно в Пустошах паслась бы, а этого, как ты мог заметить, не наблюдается. Жизнь, она, знаешь ли, ценится дороже владения. А смертность среди нашего брата-ходока высокая. Месяца не проходит, чтобы пара-тройка человек не осталась в Пустошах. Это из опытных ходоков. Новички же… их даже не считают, по крайней мере, тех, что не успели вступить в цех, точно.

– Но если всё так опасно, то зачем вы, вообще, ходите в Пустоши? – После недолгого размышления, спросил Пир.

– Сложный вопрос. – Поворошив палкой угли костра, ответил я. – Причин много. Кто-то бежит от проблем. Кто-то надеется быстро разбогатеть, или приезжает, чтобы проверить себя и пощекотать нервы, да так и остаётся. А кто-то просто не представляет себе спокойной жизни в деревне или городе, как не чувствует призвания к церковной службе. И что им делать?

– Могли бы пойти служить в армию. На границах с соседями неспокойно, и легионы постоянно нуждаются в пополнении. – Заметил Граммон.

– То-то дворяне так рвутся служить в тех легионах, да? – Усмехнулся я, и Пир отвёл взгляд.

Ну да, загнать дворянина в «мулы», может только император, да и то, лишь за серьёзную провинность перед короной.

Сами они туда идут служить только от полного безденежья или чтобы избежать кровной мести. Вот конница, это другое дело. Особенно, если речь идёт о гвардии. Там, дворяне готовы друг другу глотки рвать, лишь бы пробиться на службу. Правда, опять-таки, не все, в основном безземельные и дети титулованных, которым не светит наследство. Или рыцарские ордена, например Томарский или Дарагонский, в которых только дворян и принимают, за редким исключением, вроде Ордена Георга, или, как его ещё называют, Ордена Копьеносцев, но у него свои «заморочки», как выражается мой сосед. Служить в этом ордене может любой простолюдин, при условии, что у него закрыт контракт… с имперским легионом. То есть, имеющий за спиной, как минимум, десять лет службы в «мулах». В общем, с чего начали, к тому и вернулись.

– А ведь не только среди «белой кости», есть люди, не горящие желанием жить по приказу. Кто-то из них идёт в разбойники, чтобы вскоре украсить своим телом очередную виселицу, кто-то становится вольным охотником, а кто-то едет на окраины неосвоенных земель испытывать удачу. В общем, как-то так получается. – Договорил я и, налив из котелка горячего взвара, с удовольствием отхлебнул ароматную, парящую на вечерней прохладе жидкость.

– А ты? – После долгой паузы, спросил Граммон.

– Я вырос в Ленбурге. – Пожал плечами в ответ. – Родителей своих не помню, воспитывал меня дед, мастер алхимии

и зельеварения. Но тяги к его делу у меня сроду не было, как не было желания становиться оружейником или торговцем. А кем ещё я мог вырасти в городе ходоков, ценящих свободу больше жизни? Так и получилось, что в первый свой выход я сбежал, когда мне было пятнадцать. Точнее, думал, что сбежал.

– Это как? – Не понял Пир.

– Да просто. Я же с малых лет мечтал стать ходоком, и дед это прекрасно понимал. Трудно было не понять, если начиная с моего двенадцатилетия, месяца не проходило, чтоб городская стража не возвращала меня деду, поймав при попытке выйти из города. Чего я только не придумывал, всё было бесполезно. Ловили и приводили домой. А я злился. Мои сверстники, к тому времени, уже вовсю со взрослыми командами в Пустоши ходили, а я всё корпел над дедовыми учебниками, потел на тренировках и терпел насмешки приятелей. Про девчонок вообще молчу, они меня демонстративно не замечали. Ну как же… «книжник», «домашний мальчик», «разносчик». Эх!

– Почему разносчик? – Полюбопытствовал Пир.

– Так ведь, дед за помощь в лаборатории не платил, а мне нужны были деньги на экипировку. Вот и подрабатывал в трактире разносчиком. – Усмехнулся я. – Собственно, там я со своей первой командой и познакомился. Они с выхода вернулись с хорошей прибылью, и отмечать её устроились в том трактире, где я работал. Набрались крепко, мне их успо-

каивать пришлось. Не всех, двоих только, самых «хороших». А надо сказать, что среди ходоков, народу умелого и охочего до драки очень немало. Но дед меня хорошо учил и не только алхимии и зельеварению, так что угомонил я их, хоть и не без труда. Вырубил и страже сдал. А на следующее утро их командир снова к нам в трактир пришёл, потребовал у хозяина, чтобы тот меня к нему прислал. Я уж было к неприятностям приготовился, а он окинул меня взглядом, усмехнулся, да и предложил идти с ними в следующий выход. Дескать, понравилось ему, как я его людей успокоил. Это уж потом, по возвращении из выхода я узнал, что команду эту дед сам для меня подыскал, и командир согласился «взять с собой молокососа, если тот выдержит испытание».

– То есть, просто набил рожи двух ходокам, значит, подходишь? – Удивился Пир.

– Если бы. – Фыркнул я. – Торму было интересно другое. Ловкость, скорость, выносливость… хладнокровие. В Пустошах нервным и чересчур наглым делать нечего. Сожрут.

– Ну, скорость и ловкость, это я ещё понимаю. Но как он проверил твоё хладнокровие?

– Пф! Те двое его подчинённых, с которыми мне пришлось драться… Не забывай, мне было пятнадцать, а им лет по тридцать. Я – субтильный юнец, они – мордовороты, ростом под два метра каждый. У меня в руках деревянный поднос, а у них оружие только что из задниц не торчит. Вот тебе и проверка. Ладно, Пир. Время позднее, так что отправляй-

ся на боковую, а я подежурю. Подниму тебя часа через два после полуночи.

Спорить Граммон не стал, и правильно. О нём же беспокоюсь.

– «Какой молодец. Прямо-таки, образцовый отец. И сказку на ночь прочтёт и спать уложит».

– Ты как всегда добр и мил, сосед. – Откликнулся я на очередную язвительную реплику духа.

– «Взращиваю в себе светлое, знаешь ли». – Фыркнул он. – «А теперь, когда дитятко отправилось спать, может, вернёмся к моему вопросу?»

– Какому? – Моё удивление было неподдельным.

– «Приехали. Неужели мой склероз заразен?» – Как мне показалось, задумчиво протянул сосед.

– Иди ты!

– «Я бы с удовольствием, да некуда и нечем». – Ответ духа был на диво безэмоционален, но… не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он просто постарался скрыть свои эмоции. Мне на миг даже стало стыдно. – «Эй, ты только не впадай в самоуничижение. Не всё так плохо, Дим».

Он же меня ещё и успокаивает!

– «Конечно. О себе же забочусь, между прочим». – Отозвался дух.

– Не понял.

– «Ну, представь, что сейчас идёт дождь, а у тебя ни навеса ни плаща, и спрятаться негде и согреться нечем. Холодная

вода струится по спине, ты продрог, ноги промокли…»

– Некомфортно. Совсем. Но ты это к чему? – Представив описанное соседом, я даже вздрогнул.

– «К тому, что именно так я себя и чувствую, когда тебя накрывает неоправданное чувство вины. Зряшное, так сказать. Понятно?»

– Вполне. – Ответил я, удивившись ещё одному открытию, связанному с моим соседом. Вот кто бы мог подумать, что на него так влияет моё состояние?

– «Но мы отклонились от темы. Итак?» – Вновь затормошил меня дух.

– Да от какой темы-то?!

– «Намоминаю для коллег. Не далее как сегодня днём, я спрашивал тебя, каким образом умудряются оставаться в свете люди, чья работа просто-таки обязана увести их в черноту. Как-то: правители, палачи, шпионы и прочие?»

– Вот ты о чём… – Протянул я.

– «Именно». – В эмоциях духа проскользнули нотки нетерпения и любопытства. – «Так как?»

– Покаяние никто не отменял, как и епитимью. – Ответил я. – Или ты думаешь, что монастыри получают свою десятину и пожертвования просто так, от врождённой щедрости дарителей?

– «Оригинально». – А вот сейчас от соседа явственно потянуло брезгливостью. – «То есть, от черноты можно просто откупиться, предложив отцам церкви денег? Интересно,

а если предложить больше, они могут вообще отменить наказание?»

– Ты сейчас очень близок к ереси, дух. – Такое… искажение смысла меня просто взбесило. – Не золото отвращает зло, а искреннее покаяние. И святые отцы епитимьей не наказывают, они лишь указывают путь для очищения души от Тьмы. Деньги же отдают Церкви на добрые дела во имя Света. На содержание домов призрения, школ и госпиталей…

Часть II. Серебряная гайка

Глава 1

М-да, как-то криво у нас с носителем разговор пошёл. Я, если честно, даже несколько испугался его фанатичности. Ну, может быть и не испугался… но неприятно было. Очень. Да ещё и воспоминания. Вот, когда нужно, их не доищешься, а тут, бац, и ловите, будьте любезны. И ведь не сказать, что воспоминание оказалось каким-то страшным, вовсе нет. Возникло на миг перед внутренним взором очень милое женское лицо, с живым взглядом и чуть удлинённым, почти «восточным» разрезом глаз, смуглой кожей и высокими скулами. Отозвалось в душе нежностью, а в следующий миг, вдруг исказилось, в глазах плеснуло обжигающим яростным огнём, а на нежных розовых губах мелькнула снисходительная, скорее даже презрительная усмешка. Так смотрят очередные «постигшие истину» на недостойных, что отказываются следовать их пути. Так усмехаются новообращённые фанатики, упиваясь своим превосходством в святости и ложной праведности, и с высоты их, взирая на окружающих грешников, слепцов, не зрящих истины. И вот она-то, эта улыбка, словно ножом по сердцу прошлась, резанула, опалила и… видение исчезло. Кто была эта красавица, вызвавшая

такую нежность и так неприятно поразившая фанатичным огнём и презрением в глазах? Не знаю. Не помню. Но, может, оно и к лучшему? Уж очень яркой болью отзывается во мне её образ. Образ женщины, искренне гордящейся тем, что она стала овцой… пусть и в церковном стаде, что хоть стригут, но не забивают, и рабой… пусть даже и бога, виденного в последний раз две тысячи лет тому назад.

– Сосед? – Мысль Дима «постучалась» ко мне, вырывая из круговорота смутных воспоминаний и полустёртых образов. – Ты чего затих?

– Думаю. – Коротко ответил я. Особого желания общаться с носителем, у меня сейчас не было. С другой стороны, киснуть от размытых картинок и обрывков ставших чужими эмоций, тоже не дело.

– А… ты что-то вспомнил? – И куда только весь пыл подевался? Только что, был готов чуть ли не на костёр меня спровадить, и вдруг такое участие…

– Лучше бы не вспоминал. – Отозвался я. – Фанатизм, есть зло.

– Это ты о чём? – Настороженно спросил Дим.

– О тебе… о моих воспоминаниях… о кострах из книг и криках: «Распни». – Нехотя «произнёс» я.

– Эм-м… сосед, ты в порядке? – В эмоциях носителя явно проскользнули нотки опасения.

– Что, боишься вместе со мной с катушек съехать? – Я зло рассмеялся… бы, если бы имел такую возможность.

– Прости, не понял?

– С ума, говорю, боишься сойти, со мной на пару, да? Так, уверяю, не дождёшься. Я ещё и тебе мозги вправлю, чтоб шарики за ролики не заезжали, и не сбивался на проповеди посреди Искажённых Пустошей!

– Фух, сосед… ты меня так больше не пугай. – А вот сейчас я почувствовал явное облегчение в чувствах моего носителя. – А то я уже, хрен знает что думать начал.

– О, это полезное занятие. Но я бы рекомендовал им не злоупотреблять. Твой слабый мозг может не выдержать слишком большой нагрузки… и вытечет. Так соплями и изойдёшь. А на кой мне сопливый носитель? Так что, ты уж будь добр, думай поаккуратнее, пожалуйста. Во избежание, так сказать…

– Вот же язва, а?! – Отозвался Дим. – Я тут, понимаешь, за него переживаю, а он надо мной ещё и издевается.

– А что мне ещё остаётся? – Фыркнул я.

– Тоже верно. – Согласился носитель и, чуть помолчав, добавил, – сосед, ты извини, что я вспылил. Не умею я своими словами объяснять все эти церковные заморочки. Получается только нашего святого отца цитировать. Вернёмся в Ленбург, сходим к деду, поговорите, он тебе по-человечески всё объяснит и на вопросы ответит, если сможет, конечно. Но ты же знаешь старого, он умный, знает много и рассказывать мастак…

– Ага, заодно и на черноту проверит, так? – Подхватил я,

и Дим ощутимо запнулся. – Да ладно, не дёргайся. Понял я тебя. Вернёмся, заглянем в гости к деду. Глядишь, действительно, растолкует что к чему, без всяких лозунгов и пересказов воскресных проповедей.

– Вот и славно. – С облегчением вздохнул мой носитель и, исчезнув из «поля» нашей беседы, отправился будить Граммона.

Не знаю как для Дима с баронским сыном, а для меня продолжившийся утром поход был совсем нескучным. Да, по пути нам не встретилось никаких терпящих бедствия новичков или голодных тварей, но меня так увлекли тревожащие мои куцые чувства переливы тьмы, её переходы и полутона, тихо нашёптывающие историю здешних мест, и указывающие на окружающие нас аномалии, что… в общем, уроки понимания Искажённых Пустошей шли полным ходом. К чести своей должен заметить, что первым одну из заказанных зельеварами трав, почуял я. Причём, в таком густом переплетении разнообразных эманаций, что можно только гордиться своими успехами на ниве изучения их различий и определения типов источников. Я же и привёл носителя с его спутником к нужной поляне.

– Молодец, сосед. – Радостно маякнул мне Дим, завидев под исковерканным, перекрученным стволом искажённой вербы, небольшой стелящийся кустарник, усеянный довольно крупными бутонами полураспустившихся цветов, насыщенного тёмно-синего цвета. – Без твоей помощи, мы бы

эту пакость могли сутками искать!

– Стараюсь. – Я бы и ножкой шаркнул, да вот беда, нету их у меня. Но если честно, то я был горд. «Синий веер», действительно, довольно редко встречающееся растение, к тому же присутствовавшее в нашем списке, с пометкой «по возможности». Аромат во тьме у него очень тонкий… хотя и своеобразный. Собственно, потому я его так легко и узнал. Когда заходили за заказами к зельеварам, Зюйт демонстрировал распустившиеся цветы этого растения, действительно очень похожие на маленькие раскрытые веера. Вот я и запомнил их эманации, а здесь узнал. Повезло, можно сказать.

И снова, Пиру достались маска, перчатки и фронт работ, а Диму арбалет в руки, и вперёд, в дозор, осторожно и не торопясь, но очень внимательно всматриваясь и вслушиваясь. Здесь уже не ближние места, чернота гуще и опаснее. Можно не только на шального жвальня нарваться, но и на юрков, свистунов, плотоедов или крикс, а от последних двух одним арбалетом не отмашешься. Налетят стаей, вмиг одни кости оставят, и «мама!» сказать не успеешь. Вот и работаю «радаром», кручу чуйку на все триста шестьдесят градусов. Но пока, вроде бы тихо. Опять же, рощица, в которой мы сейчас обретаемся, хоть и хиленькая да пожухлая, но от стайных летунов, вроде тех же крикс или юрков защищает неплохо. А вот от подземных гадов, таких как плотоеды или свистуны… ну да, затем и щука в реке, чтоб карась не дремал. Вот и не дремлю.

Цветочки с кустика, Граммон оборвал все до единого. И правильно, это ж два десятка золотых, как с куста! Хм, почти каламбурчик, однако.

А как закончил бароний сын со сбором урожая, мы двинулись дальше, к той самой поляне, что Дим изначально посетить планировал. Благо, до неё идти всего ничего оставалось. Но тут наше везение, очевидно, кончилось. Или Госпожа Удача решила похвастать своими нижними девяносто, уж не знаю. Факт остаётся фактом, стоило нам подобраться на расстояние моего чутья к нужной точке, как пришлось резко тормозить носителя и его спутника.

– Твари. – Предупредил я Дима. – Похоже, кабаны.

– У-у… – Чуть ли не вслух простонал мой носитель, и я его понимаю. Эти бронированные и плотоядные, как впрочем и большинство обитателей Пустошей, чудища, хоть и уступают тому же жвальню в размерах, но передвигаются исключительно семьями, а толпой, того же искажённого мишку они раскатают в блин без особого напряжения и даже, возможно, без потерь. В общем, неудачная встреча, что тут скажешь. Хорошо ещё, что они нас пока не видят, мешает небольшой взгорок, отделяющий нас от заветной точки.

Граммону пришлось остаться на месте, а Дим, вновь перетряхнув амуницию, потихоньку-полегоньку пополз вверх по склону. Трофеить их? Да ну к лешему. Видел я этих кабанов в одном из наших выходов. Это ж танк, натурально!

В общем-то, решение принятое носителем было простым,

как весло, и строилось на знаниях из бестиария. Эти бронированные твари живут семьями, но не как обычные лесные хрюшки, а вроде сильно разросшегося львиного прайда. Есть один-два старших зверя, пара-тройка молодых самцов, и вокруг этой камарильи несколько свиноматок и их выводки. И это не единственное отличие. Впрочем, второе относится к подавляющему большинству искажённых тварей. Канибалы они. То есть, если выбить старшего самца, то следующий тут же кинется его жрать, вроде как утверждая свое верховодство. А если он не один, то начнётся свара. А там и младшие подключатся. Не у дел останутся только свиноматки с подсвинками, но они уже не проблема, побегут при малейшем намёке на опасность. В общем, если правильно подойти к вопросу, то выбить весь прайд можно без особого напряжения. Единственная сложность в том, чтобы не ошибиться при стрельбе. Но тут остаётся положиться лишь на глазомер и удачу.

Казалось бы, если всё так просто, то в чём же опасность? А её нет. Дело в другом. После такой бойни трофеев не соберёшь, нет их, физически. Только кровавые ошмётки по поляне, да визг удирающих поросят. А вот охотиться на этих тварей ради добычи трофея, это уже совсем другая песня. Тут либо искать кабана-одиночку, либо устраивать загонную охоту с участием, как минимум, десятка ходоков. Но оно того стоит, даже несмотря на опасность привлечь иных тварей. Из толстой шкуры этих кабанов, после надлежащей обработ-

ки, получаются отличные доспехи, лёгкие, прочные и удобные. Дим как раз такую куртку носит, дово-ольный! Конечно, когти жвальня она не остановит, но клыки бредня или укус криксы выдержит без потерь. Да и от скользящего удара клинка защищает неплохо.

Ну, нам-то другая добыча нужна, так что придётся носителю запихнуть сожаления о пропадающих втуне трофеях куда подальше и… дать точок местному «автогеноциду».

Вот отщёлкал своё становящийся на взвод арбалет, болт с наконечником-жалом, словно покрытым красноватыми росчерками лёг на направляющую… выстрел!

Огромный кабанище схлопотал полыхнувший огнём болт прямо в глаз, взвыл дурниной, взвившись в воздух и… рухнул наземь, как подкошенный. Дёрнулись конвульсивно мощные лапы, острые, не по-кабаньи широкие копыта скребанули землю, выворотив по пути камень, размером с человеческую голову и… всё. Один кабан, один выстрел. Так и хочется сказать: «учитесь, товарищи».

А вот и первый претендент на трон. Принюхался, с хлюпом втянув серо-чёрным, осклизлым пятаком воздух, вздыбил щетину на мощном загривке и, мотнув огромной башкой с жёлтыми кривыми «бивнями», торчащими из-под слюнявых «бульдожьих» брылей, осторожно подошёл к уже мёртвому вожаку. Надсадный визг заставил вздрогнуть всю семейку, а кабан уже запрыгнул на бывшего вожака и, отбивая копытами чечётку, да так, что из-под них брызнула чёрная

кровь, саданул клыками по шее своего недавнего «повелителя».

В следующий момент мне показалось, что от топота несущихся кабанов, земля дрожит точно под нами. А ещё через секунду мне захотелось отвернуться. На поляне творилось нечто невообразимое. Удирающие свиноматки визжат, подсвинки им вторят, а над телом застреленного кабана рвут друг друга сразу пять «претендентов». Кровь, ошмётки шкуры и мяса летят во все стороны, орошая землю чёрной, вонючей кровью, а твари терзают друг друга, словно задались целью доказать, что могут перемолоть противника в фарш быстрее любой мясорубки. И ведь у них получается.

– Да, бедный Пир. – Протянул я, когда визг-рык наконец стих, и на поляне воцарилась жуткая, воистину мёртвая тишина. Победителей не осталось. Последнего оставшегося в живых кабана, первый претендент насадил на свои почти метровые бивни, уже будучи на последнем издыхании. Да так удачно, что тот и хрюкнуть напоследок не успел. В общем, вышло всё, как и задумывалось, точно по учебнику, точнее, по заметкам кого-то из охотников, оставившего своё примечание к статье о чёрных кабанах, но… повторюсь: бедный баранёнок.

– Почему? – Не понял Дим.

– Так ведь ему там травку теперь собирать.

– О… – Дошло до моего носителя. – Ну ничего, маски у нас ещё есть, хоть и немного, да и перчатки найдутся.

– Почему-то мне кажется, что для него это будет слабым утешением. – Заметил я.

– Что поделать? – Деланно равнодушно пожал плечами Дим. – Договор есть договор. Ничего, притерпится.

И действительно притерпелся, хотя первые полчаса, даже с маской, наш спутник бегал травить в кусты, чуть ли не каждые пять минут, а уж какие между этими забегами, он выдавал матерные конструкции, это просто песня! Шёпотом, правда, чтоб Дим не слышал. А потом, ничего, приноровился и даже умудрился развить какую-то совершенно нереальную скорость сбора нужных трав, и это несмотря на состояние «убитой в хлам» кабанами поляны!

Глава 2

Это было… сложно. Пустоши не лучшее место, для вооружённого одним кинжалом новичка, а уж руины и подавно. Нет, бродячих тварей, когда-то бывших обычными животными или насекомыми, здесь почти нет, зато хватает другого зла. Полуразрушенные проклятые дома, стены которых, по-моему, держатся лишь за счёт пропитавшей их тьмы, переродившиеся духи и нежить, кишащия в подвалах рассыпавшихся в щебень зданий и подземных лабиринтах древнего города. Вот что представляет собой армия руин. И тот факт, что большая их часть «привязана» к местам своего обитания или просто не выбирается на поросшие хилыми серыми деревцами и пыльной травой, улицы древнего города, опасности ничуть не умаляет. Чуйка на незваных гостей, тем более людей, у здешних обитателей развита не хуже, а кое у кого и получше, чем у бродячих тварей Пустошей. Так что, если бы не оказавшийся таким своевременным, «подарок» деда, я не рискнул бы тащить сюда Пира и, скорее, сразу же вернул его в город, несмотря на все сложности и риски, связанные с необходимостью скрывать баронского сына от возможного внимания его несостоявшихся убийц.

Но «подарок» имеет место быть, и это даёт нам весьма серьёзный шанс на то, что Граммон сможет прожить денёк-другой в руинах, не привлекая к себе внимания всей

окружающей нечисти… если, конечно, у него вновь не заиграет шило в заднице и баронский сын не станет рыскать по руинам, потакая своему неуёмному любопытству. В конце концов, позволил же нам этот эликсир пройти не особо скрываясь почти двое суток по Пустошам, и не собрать за собой хвост из искажённых тварей! Так неужели, Граммон не сможет такой малости, как забиться в щель поукромнее, ещё на пару суток?

Я бросил взгляд на восторженно крутящего головой баронского сына, весьма впечатлённого открывающимся видом на руины, и вздохнул. Почему-то, глядя на него, уверенность в том, что Пир сможет придавить своё любопытство, стремительно убывала… Может, погрузить его в сон на время моего отсутствия?

– «Ага, чтоб нашедшие его твари не били себе ноги, гоняясь за своим обедом». – Прорезался сосед.

– Для этого, нужно будет сначала его найти. – Мысленно ответил я духу. – А с чёрной благодатью, это сложно.

– «Но не невозможно». – Заметил тот. – «Сам же говорил, что этот эликсир скрывает только от чутья тварей. А если они его увидят? Или услышат? Человек, знаешь ли, шумит не только когда бодрствует. Вот засекут твари его храп, и кончится бароний сын, даже толком не начавшись».

– Ладно-ладно. Признаю, с отправкой Граммона на боковую, я погорячился. – Вздохнул я в ответ. – Но я же беспокоюсь.

Если бы мог, дух наверняка закатил бы глаза. По крайней мере, донёсшиеся до меня отголоски его эмоций, говорили именно об этом. Но спорить не стал, хотя я явственно чувствую, что он не разделяет моего отношения к незадачливому мальчишке. Впрочем, в этом весь сосед. Он всегда готов дать совет или вставить своё замечание в ход моих мыслей, поязвить над моими действиями или отношением к людям и событиям, но всегда оставляет окончательное решение по любому вопросу за своим «носителем». Хотя, окажись я на его месте… Хм, даже думать о таком страшно. Но я бы точно не удержался в тех жёстких рамках, что установил для себя этот дух.

– «Предлагаю перенести пение дифирамбов моему благородству на более удобное время. А сейчас, пора заняться поиском укрытия для Пира». – Неожиданно врезался в мои мысли сосед. – «Тем более, его ещё придётся очищать от обитателей, а это тоже займёт некоторое время».

Серые, припорошенные вездесущей пылью обломки домов и щебень, через который пробиваются пучки жёсткой травы, скрипели под ногами, пока мы медленно продвигались вперёд, на каждом шагу прислушиваясь к то и дело взывающему меж полуразрушенными стенами ветру и шорохам. К сожалению, в том огромном и мощном пятне черноты, что представляют собой руины древнего города, способности духа чрезвычайно урезаны, так что, опасность здесь проще увидеть или услышать, чем надеяться на умения моего

соседа.

Но как бы то ни было, спустя пару часов блужданий среди этого царства камня и ржавого металла, мы с Граммоном нашли место, на первый взгляд вполне подходящее для того, чтобы укрыться в нём от нескромных взглядов и любопытства здешних обитателей. Довольно высокое здание, когда-то насчитывавшее не менее трёх этажей, с чудом уцелевшим, хотя и изрядно потрёпанным фасадом, оказалось неплохой находкой, даже несмотря на валяющийся в вестибюле безголовый скелет в разползшемся от времени кожаном доспехе. Разумеется, о том, чтобы подняться на второй этаж по лестнице здесь не могло быть и речи, но в нашем случае, оно и к лучшему, меньше шансов дождаться в гости искажённых. А от открытого неба и его опасностей вроде тех же ночных крикс, вполне способно защитить перекрытие второго этажа, сохранившееся в левом крыле дома. Ну а в правое и соваться незачем, там всё равно только фасад сохранился, да половина прилегающей к нему торцевой стены. И никаких перекрытий.

– И вот здесь я должен буду просидеть два дня? – Оглядевшись, тихо протянул Пир.

– Может быть даже меньше. – Кивнул я. – А что, что-то не устраивает? Или ты всерьёз рассчитывал найти здесь кровать с балдахином и нужный горшок под ней?

– Нет… но мне тут неуютно. – Вздохнул Граммон, пропустив мою подколку мимо ушей.

– Что поделать. Лучших условий в руинах не найти. – Пожал я плечами. И чем ему не нравится комната, спрашивается? Одно-единственное окно и выход к лестничному пролёту, незамеченной ни одна тварь не подберётся, если вообще сможет сюда забраться, что вряд ли. Летающим в узкое окно не пролезть, а бегающим по земле, до дверного проёма не допрыгнуть. Да и, чтобы ломиться сюда, искажённые сначала добычу учуять должны, а эликсир будет действовать ещё трое суток. Так что… впрочем, о последнем Пиру неизвестно, он, вообще, до сих пор списывал редкость встреч с искажёнными на мой опыт ходока, знающего безопасные проходы в Пустошах. Хм, может стоит на этом и сыграть? Я окинул взглядом озирающегося по сторонам Грамммона и сам себе кивнул. Точно. Буду инструктировать, так и сделаю. А инструктаж ему необходим, иначе, боюсь, мой невольный помощник может наломать дров… отправившись на их поиск, например. И это не шутка. Уже не раз видел, как изумляются всяческие дворяне при виде безфитильных горелок, имеющихся в заплечнике каждого ходока. Можно подумать, что это такая редкая вещь… Или умудрится вылакать всю воду из фляг за день. Тоже возможно. А взять её здесь негде.

– «Ничего удивительного. Это для тебя, вынужденного таскать весь скарб на собственном горбу, да по Пустошам, подобные вещи – норма. А для привыкших к слугам дворян, даже заядлых путешественников, проблема отсутствия в шаговой доступности дров или питьевой воды – нонсенс. Опять

же, заправка для горелок денег стоит, а дрова, вот они растут. Подходи и руби… Да и не согреешься от горелки толком, а у костра запросто.» – Вставил свои два медяка мой сосед. Ну, в чём-то он прав, конечно. Хотя…

– А плащ с алхимической пропиткой на что? А согревающие артефакты? – Возразил я.

– «А цена у них какая?» – Фыркнул в ответ дух. – «Это ты привык золотом за экипировку рассчитываться, да не все ж могут себе такое позволить. Вспомни хотя бы, какое лицо было у Граммона, когда ты ему сообщил стоимость план… эм-м, справочника-бестиария? А ведь он не из бедняков безземельных, у которых кроме гонора да шпаги, одни мозги и те всякой чушью забиты! Да и не забывай, что такое количество алхимиков да зельеваров, как в Ленбурге, можно лишь в столицах найти. Вот на что угодно спорю, что в каком-нибудь окраинном герцогском городе, подавляющее большинство жителей, эликсиров и артефактов и в глаза не видело!».

Может быть дух и прав. По крайней мере, возразить мне ему было нечем, и я, отказавшись от дальнейшего спора, занялся обещанным инструктажем Пира. Граммон слушал внимательно и с интересом. Вопреки моим опасениям, с безфитильной горелкой он был знаком, хотя сам раньше ею никогда не пользовался, на то всегда под рукой имелись слуги или его «дядька», сержант, выслуживший два контрактных срока в баронской гвардии, пестовавший Пира чуть ли не с младенчества. Не удивил моего спутника и пропитан-

ный алхимией тонкий, но от этого не менее тёплый спальный мешок, благо в предыдущие ночи мы им пользовались по очереди. А вот информация о необходимости беречь воду, пришлась ему не по вкусу. Понимаю, терпеть зуд, а то и сыпь от вездесущей серой пыли, удовольствие небольшое. Но тут уж ничего не поделаешь, деваться-то всё равно некуда, тем количеством воды, что имеется в двух моих флягах, даже сполоснуться толком не получится. Остальные советы, вроде сидеть тихо и не мелькать в окне и дверном проёме, Граммон тоже вроде бы мимо ушей не пропустил, а в отданные мною алхимические гранаты вцепился, как утопающий в спасательный круг. Что ж, буду надеяться, что он не израсходует их понапрасну.

⁂

Пир посмотрел вслед уходящему вверх по разрушенной улице молодому ходоку, но вспомнив его совет, отошёл от оконного проёма вглубь помещения и, окинув взглядом выщербленные, покрытые трещинами, серые от везедсущей пыли стены, со вздохом опустился на небрежно брошенную посреди комнаты скатку.

Кто бы сказал, зачем он согласился сопровождать этого безумца в его походе по Пустошам?! Нет, понятно, что соваться в Ленбург, сразу после того как Наста чуть его не прибила, было не лучшим вариантом. Но ведь он мог совершен-

но спокойно уйти на запад, в освоенные земли. Тем более, что всего в двух сутках пути от Ленбурга находятся владения барона Триго, родного, хотя и не очень любимого дядюшки. Уж старый вояка точно не отказал бы младшему племяннику в крове. А там, можно было бы что-нибудь придумать насчёт мести этой сучьей стерве и предавшим его телохранителям.

Пир скрипнул от злости зубами, вспомнив слова Дима о действиях охранников. Как, ну как она смогла привлечь на свою сторону его собственных телохранителей, чем сманила? Деньгами? Но эти бойцы прошли не одну кампанию под стягами Граммонов, они бесконечно преданны барону, а тот никогда не обижал своих воинов ни в жалованье, ни в доле от добычи. Конечно, с золота они не ели, но отец был достаточно щедр, чтобы его гвардейцы не помышляли об уходе. Да что там! Барон платил им так, как платят своим копьям дворяне имперской конницы! А обещать такую сумму, перед которой не устояли бы воины отца… так ведь Наста не похожа на человека, в чьём распоряжении имеются тысячи золотых.

Значит, не деньги тому виной. Тогда что? Дворянство? Но Наста сама говорила, что происходит из рода обычных безземельных всадников, и не может похвастаться громким титулом. Да и прошли те времена, когда возвести в дворянское достоинство мог любой граф. Ещё дед нынешнего императора изрядно ущемил в правах титулованную знать, лишив их, в числе многих прочих, и такой привелегии. Может, эта

сучка просто соблазнила отцовых воинов? Хм…

Глаза Граммона затуманились, когда он вспомнил восхитительную фигурку девушки, нежные черты её лица и мягкую улыбку, но спустя миг, чёрная злоба вымыла весь восторг воспоминаний. Точно! Наверняка, эта шлюха именно так и поступила! Запудрила мозги телохранителям, не привыкшим к общению с дворянками, и не способными противостоять её красоте и обаянию, вот и результат. От мысли, что сейчас где-то в Ленбурге, сучьи предатели, может быть даже трое сразу, валяют на перинах Насту, Пир тихо зарычал. Шлюха! Да, шлюха… Но это ЕГО шлюха!

Громко лязнула о ножны сталь кинжала и Граммон опомнился. Взглянул на ладонь, сжимающую рукоять чужого оружия и, медленно, со свистом выпустив сквозь стиснутые зубы воздух, постарался успокоиться. Спустя несколько минут ему это удалось. Пусть и с трудом, но Пир справился со своим идущим в разнос разумом. И только приведя в порядок мысли и чувства, догадался убрать кинжал обратно в ножны.

Что это было? С какого искажения его так взбесило одно лишь предположение о распутстве Насты? Ничем не подкреплённая фантазия, и только! А он повёл себя так, словно увидел всё измысленное, своими собственными глазами. Да и, в конце концов, какое ему дело до того, с кем кувыркается эта тварь? Неужто, он, действительно, влюбился?! Э-э, нет. Так не пойдёт!

Граммон поднялся на ноги и принялся мерить шагами до-

вольно большую комнату. Мысль о том, что он мог влюбиться в собственную убийцу, пусть и не состоявшуюся, ему совсем не пришлась по нраву. К тому же, влюблённость совсем не сочеталась с другим желанием, прочно поселившимся в его душе. Выбраться из Пустошей, отыскать суку и казнить. Желательно, вместе с предателями-охранниками. Даже не так. Не желательно, а обязательно!

Придя к такому решению, Пир довольно кивнул и, со щелчком загнав в ножны вновь наполовину вытащенный из них кинжал, со спокойной душой принялся ворошить заплечник Дима. Время уже к закату, пора бы и поесть…

Наблюдая за закипающим над тихо гудящей горелкой котелком, он и сам не заметил, как погрузился в размышления о предстоящей мести своим обидчикам. И уж тем более, не заметил, как сгущающиеся в комнате тени, вопреки всем законам природы, отказываясь скользить по стенам, тянутся от тёмных углов комнаты к его освещённому тусклым огоньком горелки закутку.

Глава 3

Светило скрылось за горной грядой и руины погрузились в темноту. А значит… пора!

Тихо прошелестел вытащенный из ножен фальшион, щёлкнул прижимной рычаг очередного флакона с эликсиром и мерцающая серебристыми искрами, жидкость окропила клинок. Использованный фиал скрылся в подсумке, и я, убрав фальшион обратно в ножны, мягко скользнул в дверной проём. Короткий разбег, прыжок! Руки вцепились в неровный край лестничной площадки, и я еле сдержал рвущийся с языка мат. Больно, однако. Подтянувшись, забрался на площадку и тут же нацелился на дальнейший подъём. Хороший архитектор был у этого дома. Не стал экономить, устанавливая фальшивки, за что ему большое спасибо. Вцепившись в фигурные выступы на пилястрах, я забрался на второй этаж и, притормозив у входа в знакомую комнату, вновь обнажил фальшион. Я не дед, одним добрым словом сражаться с нечистью не умею. Зато клинком…

Осторожно обогнув полуразрушенную стенку, отгородившую закуток от основной части комнаты, я вгляделся в лицо замершего у горелки Пира. Ха, расчёт был верен. Парень, как раз впал в навеянный тварью транс, но ещё не провалился в сон. Я успел вовремя!

– «У дальней стены, под потолком». Сосед указал на цель.

Голос его, раздавшийся у меня в голове, был глух и напряжён. Что неудивительно, учитывая, что бедняга сейчас чрезвычайно занят, принимая на себя все мои эмоции и не давая им просочиться наружу, чтобы поморочник не засёк, и не обрадовался удвоению своего ужина. Всё-таки, такая защита куда надёжнее, чем несбыточная надежда противостоять внушениям этой почти бестелесной твари.

Тёмное пятно, похожее на какую-то кляксу с многочисленными длинными, хаотично шевелящимися отростками, бесшумной тенью осторожно спускалось вниз, нацелившись на Граммона и абсолютно не замечая меня, за что спасибо прикрывающему соседу. А я ждал. Ждал одного-единственного момента. Есть!

Пятно сконцентрировалось за спиной бездумно смотрящего на огонь горелки, вконец замороченного Граммона, налилось плотностью, готовясь к прыжку… и взвилось вверх, вытягивая в сторону Пира свои резко ставшие материальными щупальца, чтобы насадиться на окроплённый эликсиром клинок моего фальшиона! Резкий свист разорвал тишину. Бароний сын дёрнулся, приходя в себя, обернулся и застыл соляным столбом, глядя, как исходит чёрным дымом, атаковавшая его тварь.

– Ч-что эт-то б-было?! – Заикаясь, пролязгал стучащими зубами Пир, переводя взгляд с истаявшей нечисти на меня.

– Поморочник. – Пожал я плечами, собирая в изолирующий мешок серый, будто пепел, прах уничтоженной твари.

Но, поняв, что такого объяснения моему спутнику будет мало, добавил. – Давай я закончу со сбором трофеев, а потом мы попьём взвара, и я тебе всё расскажу и объясню.

Спустя десять минут, Пир, уже более или менее пришедший в себя, сидел, привалившись спиной к стене дома и, прихлёбывая мелкими глотками горячий травяной сбор, в который я не преминул бросить пару успокоительных травок, сверлил меня выжидающим взглядом.

– Так что это было, сударь Дим? – Не выдержал-таки Граммон. Эка его прихватило, вон даже на официальный тон перешёл.

– Поморочник. – Повторил я свой ответ и, сделав небольшой глоток собственноручно приготовленного питья, продолжил. – Нечисть, обитающая в руинах. Бестелесная тварь, обретающая некое подобие тела лишь в момент атаки и поглощения добычи. Охотится из засады. Наводит морок и, дождавшись, пока цель перестанет реагировать на внешние раздражители, наносит удар. Обычно, один-единственный, сносящий добыче голову, которую поморочник с великим удовольствием и съедает. Мозг для него – деликатес, знаешь ли, а вот остальным он может и побрезговать. Так что, если увидишь где-то в руинах безголовый скелет, можешь быть уверен, работа поморочника.

– Понятно. Транс, значит, да? – Пробормотал Пир. – Значит, все эти мысли… и злость…

– Навеяны поморочником. – Кивнул я. – Уж не знаю, о

чём именно тебе мечталось, но обычно эта тварь вытаскивает из разума жертвы самые… эмоциональные мысли и заставляет «пережёвывать» их раз за разом, пока цель не уйдёт в мечты с головой, которой она впоследствии и лишается, частенько, даже не успевая осознать происшедшее.

– И ты оставил меня один на один с такой тварью?! – Взвился было Граммон, но схлопотал удар открытой ладонью по лбу и осел.

– Что значит, один на один? – Нахмурился я. – А сейчас пред тобой призрак сидит, что ли?

– А если бы ты опоздал? – Буркнул Пир.

– Поморочники, твари ночные. Да и я был неподалёку, так что шанс опоздания был совсем невелик. – Пожав плечами, ответил я.

– Пусть так. Но неужели обязательно было выставлять меня в качестве живца?! – Вспылил Граммон. – Трудно было подыскать дом, где нет… такого?

– Хм, позволь кое-что тебе напомнить. – Вздохнул я. – Мы в руинах. Здесь нет безопасных мест. Вообще. Таковыми могут считаться лишь те, что ты очистил от тварей сам, и никак иначе. Нам повезло отыскать дом, где хозяйничала довольно слабая нечисть, убить которую не составляет проблем для опытного ходока. В других, мы могли наткнуться на такие неприятности, из которых нас не вытащил бы и всемогущий Свет! Проклятья, искажённые духи, тёмные ловушки… поверь, это далеко не полный список всех здешних опасностей.

– Но почему я должен был стать наживкой?! – Возмущённо воскликнул Граммон, но бросив взгляд на оконный проём, тут же умолк. Правильно, нечего привлекать внимание громкими криками. Не то место, и не то время.

– А кто, кроме тебя? – Развёл я руками. – Или ты считаешь, что смог бы справиться с поморочником, пока он готовился пообедать мною? Си-ильно сомневаюсь.

– Ну, ты хотя бы мог сообщить мне о своих намерениях заранее. – Сдулся Пир.

– Чтобы тварь вытащила эти сведения из твоей головы и благополучно затаилась до следующего подходящего момента, да? – Осведомился я.

– Зато, мы могли бы спокойно провести эту ночь в доме, не опасаясь её нападения. – Упрямо проговорил Граммон.

– Ну да, ну да… и было бы у поморочника двойное блюдо на обед. – Кивнул я. – Поверь, спящий для него ничем не отличается от загнанного в транс. Добыча без всяких усилий, что может быть лучше?

– Вот ведь… – Пир сплюнул на пол, вогнав меня в недоумение. И куда только подевались его аристократические замашки?!

– Успокоился? – Спросил я своего спутника. Тот зло зыркнул в мою сторону, но всё же кивнул. Ну, уже что-то. Я побарабанил пальцами по стальной пряжке ремня, но всё же решил прояснить один момент. – Знаешь, Пир, даже если бы на твоём месте был такой же ходок как я, принцип охоты на

поморочника ничуть не изменился бы. За исключением того факта, что этому гипотетическому ходоку пришлось бы играть свою роль, полностью осознавая что именно и для чего он делает. Но это ходок! Мы специально учимся закрывать свои мысли, поскольку таких тварей, как поморочник, в Пустошах хватает. И пусть он смог бы скрыть от нечисти сам факт охоты на неё, но противостоять внушению полностью точно не сумел бы, а значит, находился бы в том же трансе, что и ты недавно. Со всеми вытекающими…

– Да понял я. Понял. – Вздохнул Граммон и, чуть помедлив, спросил, – ты сейчас уйдёшь?

– Именно. – Кивнул я. – Чем быстрее закончим с основной частью заказа, тем быстрее уберёмся из руин. Уж больно неуютное местечко.

– Это я уже осознал. – Поёжился баронский сын, непроизвольно схватившись за кинжал.

– Не переживай, Пир. Пока метки здешнего хозяина не сойдут, в этот дом ни одна тварь не сунется, а это произойдёт не раньше чем через пару дней. Я же постараюсь вернуться до того момента, когда из здания выветрится дух поморочника. – Хлопнув Граммона по плечу, я постарался успокоить своего перенервничавшего спутника. Дождавшись понимающего кивка Пира, я поднялся на ноги и, уже стоя у дверного проёма, обернулся. – Инструкции помнишь?

– Да. – Бесцветным голосом ответил тот, но заметив мой выжидающий взгляд, со вздохом продолжил, – из дома не

высовываться, экономить воду, внимательно прислушиваться к происходящему вокруг. Если к полудню второго дня ты не появишься, уходить из руин тем же маршрутом, что мы пришли сюда. Искажённым на глаза не попадаться и постараться как можно быстрее дойти до Ленбурга. Там предъявить страже твой кинжал и рассказать обо всём происшедшем человеку, к которому доставят меня стражники.

– Молодец, всё правильно. – Улыбнулся я, и уже было собрался спрыгнуть на лестничную площадку меж первым и вторым этажом, но Пир меня притормозил.

– И почему мне нельзя было остаться в Пустошах, вместо того, чтобы переться сюда? Дождался бы твоего возвращения хотя бы в той же рощице у ручья, где мы останавливались лагерем в последний раз. – Пробурчал он.

– Потому что там тебя смогла бы достать любая блуждающая тварь, причём так, что ты и чухнуться не успел, как говорит один мой знакомый, а здесь, после очистки дома, и при условии выполнения моих требований, ты в безопасности. Насколько это вообще возможно. Ясно? – Нахмурившись, пояснил я и, дождавшись кивка Пира, вышел из комнаты.

Мне и самому не нравился тот факт, что Граммона пришлось «сыграть втёмную», по меткому выражению соседа. Но другого выхода я просто не нашёл, хотя и пытался, честно. Всю дорогу до руин я прикидывал возможные варианты и всё равно, раз за разом приходил к одному и тому же неуте-

шительному выводу: другого выхода нет. Оставлять Пира за пределами руин, всё равно что бросить его под нос тем бредням, на растерзание которым его оставила Наста. Обеспечить же его безопасность в руинах, возможно лишь в одном из зданий, куда не смогли бы добраться шатающиеся по древнему городу твари. Но «свободных» укрытий в руинах днём с огнём не сыщешь, а значит, найденное убежище, так или иначе придётся зачищать, и делать это нужно будет максимально тихо, чтобы не привлечь внимания других «претендентов» на него. Вот тогда я и вспомнил об этом здании и его обитателе. И пусть оно находится достаточно далеко от нужных мне подземелий, зато освободив его от «жильца», мы получили вполне сносное убежище, а в руинах это редкость. И если повезёт, то я ещё не раз смогу им воспользоваться. По крайней мере, до следующего Прилива новая нечисть почти наверняка в нём не поселится. И это дорогого стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.